

- [Лессинг Готхольд-Эфраим](#)

- 

---

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

# Лессинг Готхольд-Эфраим Эмилия Галотти

Готхольд-Эфраим Лессинг

Эмилия Галотти

Трагедия в пяти действиях

Действующие лица

Эмилия Галотти.

Одоардо Галотти |

} родители Эмилии.

Клаудия Галотти |

Хетторе Гонзага, принц Гвасталлы.

Маринелли, камергер принца.

Камилло Рота, один из советников принца.

Конти, художник.

Граф Аппиани.

Графиня Орсина.

Анжело и несколько слуг.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в кабинете принца.

Явление первое

Принц, Камердинер принца.

Принц (за рабочим столом с грудой писем и бумаг, некоторые из них он просматривает). Жалобы, одни только жалобы! Просьбы! Одни только просьбы!.. Печальные дела! И нам еще завидуют! Я думаю, если бы мы могли всем помогать, вот тогда нам можно было бы завидовать... Эмилия? (Вскрывает одну из просьб и смотрит на подпись.) Эмилия?.. Но это какая-то Эмилия Брунески... не Галотти. Не Эмилия Галотти!.. Чего же хочет эта Эмилия Брунески? (Читает.) Большие претензии, очень большие... Но ее зовут Эмилией. Согласен. (Подписывает и звонит.)

Входит Камердинер.

В приемной нет еще никого из советников?

Камердинер. Нет.

Принц. Я слишком рано начал свой день... Утро так хорошо... Я хочу покататься. Пусть маркиз Маринелли едет со мной. Позвать его.

Камердинер уходит.

Не могу больше заниматься. Я был так спокоен, воображал, что спокоен... Вдруг оказалось, что какую-то несчастную Брунески зовут Эмилией, и мое спокойствие исчезло!..

Камердинер (снова входит). За маркизом послано. Вот письмо от графини Орсина.

Принц. Орсина? Положите его сюда.

Камердинер. Ее скороход ждет ответа.

Принц. Я пришлю ответ, если это потребуется. Где она? В городе или на своей вилле?

Камердинер. Она вчера приехала в город.

Принц. Тем хуже... Тем лучше, хотел я сказать. Тем меньше придется ждать скороходу.

Камердинер уходит.

Моя дорогая графиня! (С горечью, взяв письмо в руки.) Словно уже прочитал. {Снова отбрасывает письмо.} Да, я раньше думал, что люблю ее! Чего мы только не думаем. Может быть, я и на самом деле любил ее. Но любил, а не люблю.

Камердинер (снова входит). Художник Конти хотел бы получить соизволение...

Принц. Конти? Хорошо. Впустите его... Это рассеет меня. (Встает.)

Явление второе

Конти, Принц.

Принц. С добрым утром, Конти! Как живете? Что поделявает искусство?

Конти. Принц, искусство ищет хлеба.

Принц. Этого ему не следует делать, этого оно не должно делать, по крайней мере в моих маленьких владениях... Но художник должен все же иметь охоту к труду.

Конти. Трудиться? Это его наслаждение. Но если он вынужден слишком много трудиться, он может лишиться имени художника.

Принц. Я разумею не многое, но много: малость, но исполненную с рвением... Вы пришли ведь не с пустыми руками, Конти?

Конти. Я принес портрет, который вы мне заказали, ваша светлость. И принес еще и другой, которого вы мне не заказывали, но он заслуживает вашего внимания...

Принц. Какой же я вам заказывал?.. Никак не могу припомнить...

Конти. Графини Орсина.

Принц. В самом деле!.. Только заказан он был давно.

Конти. Наши прекрасные дамы не каждый день расположены

позировать. Графиня за три месяца только раз смогла решиться немного посидеть.

Принц. Где портреты?

Кonti. В приемной. Сейчас принесу.

Явление третье

Принц. Ее портрет!.. Пускай... Ее портрет все же не сама она... И, может быть, я снова найду в портрете то, чего я уже не замечаю в оригинале. Но я не хочу этого. Несносный художник! Я думаю даже, что она его подкупила. А хоть бы и так! Если некий другой портрет, писанный другими красками и на другом фоне, снова уступит ей место в моем сердце... Право, мне кажется, я был бы доволен. Когда я любил ее, мне было всегда так легко, так радостно, так весело... Теперь же все иначе. Но нет, нет, нет! Приятнее или неприятнее мне теперь, но так для меня лучше.

Явление четвертое

Принц, Conti с портретами; один из них он ставит лицом к стулу.

Кonti (ставя другой перед принцем). Прошу вас, принц, принять во внимание границы нашего искусства. Многие из самых привлекательных свойств красоты лежат за его пределами... Станьте вон там.

Принц (бросив взгляд на портрет.) Превосходно, Conti... Превосходно! Достойно вашего мастерства, вашей кисти. Но вы польстили, Conti, безгранично польстили!

Кonti. Оригинал как будто был другого мнения. Да и на самом деле я польстил не больше, чем требует искусство. Искусство должно изображать так, как замыслила образец пластическая природа, - если только она существует, без увядания, неизбежного при сопротивлении материи, без разрушений, наносимых временем.

Принц. Мыслящий художник удваивает ценность своего труда. Но оригинал, сказали вы, несмотря на это, нашел...

Кonti. Простите, принц. Оригинал - особа, требующая моего уважения. Я не хотел сказать ничего для нее невыгодного.

Принц. Как вам угодно... Что же сказал оригинал?

Кonti. "Я довольна, - сказала графиня, - если кажусь не хуже".

Принц. Не хуже? Она - поистине оригинал!

Кonti. И при этом у нее было такое выражение лица, следа которого, разумеется, на портрете не найти.

Принц. Это-то я и имел в виду. В этом-то я и усматриваю безграничную лесть... О, как я знаю это гордое, насмешливое выражение, способное обезобразить лицо самой Грации!.. Не отрицаю, что прекрасные уста нередко становятся еще прелестней, если они немножко скривятся от

насмешки. Но прошу заметить! - только немножко. Это не должно превращаться в гримасу, как у графини. А глаза должны сдерживать резвого насмешника... Но таких глаз мы и не видим у нашей доброй графини. Нет их и на этом портрете.

Конти. Ваша светлость, я крайне изумлен...

Принц. Чем? Все, что искусство может сделать хорошего из больших, выпученных, неподвижных медузиных глаз графини, вы, Конти, добросовестно сделали. Добросовестно, сказал я?.. Меньшая добросовестность была бы добросовестней. Ну, скажите сами, Конти, разве можно по этому портрету заключить о характере графини? А следовало бы. Вы преобразили гордыню в достоинство, насмешку - в улыбку, склонность к мрачному сумасбродству - в кроткую задумчивость.

Конти (слегка раздосадованный). Ах, принц, мы, художники, рассчитываем на то, что готовый портрет встретит любовника столь же страстного, каким! он был, делая заказ. Мы пишем глазами любви, и только глаза любви должны бы быть нашими судьями.

Принц. Хорошо, Конти. Почему же вы не принесли его месяцем раньше? Уберите его... Ну, а здесь что?

Конти (достаёт второй портрет, но держит его лицом к себе). Тоже женский портрет.

Принц. В таком случае я предпочёл бы сейчас вовсе не видеть его. Ведь с идеалом, который живет здесь (указывает пальцем на лоб), или, вернее, здесь (указывает на сердце), ему все равно не сравниться. Я хотел бы, Конти, восхищаться вашим искусством в творениях другого рода.

Конти. Есть искусство, более достойное восхищения, но, бесспорно, нет оригинала, более достойного восхищения, чем этот.

Принц. Тогда бьюсь об заклад, Конти, что это - повелительница самого художника.

Конти оборачивает к нему портрет лицом.

Что я вижу? Ваше ли это творенье или плод моей фантазии?.. Эмилия Галотти!

Конти. Как, принц? Вы знаете этого ангела?

Принц (стараясь взять себя в руки, но не будучи в состоянии отвести глаз от портрета). Так, немного, ровно настолько, чтобы узнать при встрече. Несколько недель назад я встретил ее с матерью в одном обществе... Потом мне случилось видеть ее только в храме, где глазеть на нее было бы неприлично. Знаю и отца ее, он мне отнюдь не друг. Он сильнее всех противился моим притязаниям на Сабьонетту. Старый воин. Горд и груб, а впрочем, добр и честен!

Конти. Отец! Но здесь перед нами его дочь.

Принц. Ей-богу - как две капли воды! (Все еще не сводя глаз с портрета.) О, вы, конечно, знаете, что только тогда по-настоящему хвалят художника, когда при виде его творения забывают о похвалах.

Конти. Однако эта работа оставила меня весьма недовольным собой... И я все же доволен, что так неудовлетворен самим собой. Ах! Почему мы не можем писать прямо глазами! Как много пропадает на долгом пути от глаза через руку к кисти! Но я, как я уже сказал, знаю, что здесь потеряно, и как это случилось, и почему должно было случиться, - и этим утраченным я так же горжусь и даже более, нежели всем тем, что мне удалось передать здесь. Ведь утраченное больше, чем переданное, позволяет мне признать, что я действительно большой художник, что только рука моя не всегда бывает рукой большого художника. Разве вы думаете, принц, что Рафаэль не был бы величайшим гением в живописи, если бы он по несчастной случайности родился безруким? Как вы думаете, принц?

Принц (оторвавшись только в этот момент от портрета). Что вы говорите, Конти? Что вы хотите знать?

Конти. О, ничего, ничего!.. Так, болтовня. Я вижу: вся ваша душа была в глазах. Я люблю такие души и такие глаза.

Принц (с деланной холодностью). Значит, Конти, вы на самом деле причисляете Эмилию Галотти к первейшим красавицам нашего города?

Конти. Значит? Причисляете? К первейшим? К первейшим нашего города?.. Вы смеетесь надо мной, принц. Или же вы все это время так же мало смотрели, как и слушали.

Принц. Любезный Конти... (Снова устремляет глаза на портрет.) Как может наш брат полагаться на свои глаза? Собственно говоря, только художник может судить о красоте.

Конти. Неужто впечатление каждого из нас должно ждать суждения художника? В монастырь того, кто хочет у нас учиться различать прекрасное! Но я должен, принц, сказать вам, как художник: величайшим счастьем моей жизни было то, что Эмилия Галотти позировала мне. Эта голова, это лицо, этот лоб, глаза, нос, рот, подбородок, шея, грудь, стан, все ее сложение стали для меня с тех пор единственным предметом изучения женской красоты... Портрет, написанный с нее, достался ее отцу, который живет не здесь. Но эта копия...

Принц (быстро оборачиваясь к нему). Что же, Конти? Неужели вы уже обещали ее кому-нибудь?

Конти. Она предназначена для вас, если она вам по вкусу.

Принц. По вкусу! (Улыбаясь.) Это - ваш опыт изучения женской

красоты, Конти. Что может быть лучше, как сделать его своим? А тот портрет захватите с собой... заказать раму.

Конти. Будет сделано.

Принц. Самую красивую, - самую роскошную, какую резчик только сможет изготовить. Портрет будет помещен в галлерее. А этот... останется здесь. С этюдом не требуется таких церемоний: его не вывешивают, а предпочитают держать при себе... Благодарю вас, Конти, очень благодарю. Как уже сказано, в моих владениях искусство не должно искать хлеба, пока он есть у меня самого... Пошлите, Конти, к моему казначею и получите под вашу расписку за оба портрета, сколько пожелаете. Сколько пожелаете, Конти!

Конти. Не следует ли мне опасаться, принц, что вы хотите вознаградить меня не только за искусство, но и за нечто другое...

Принц. О, ревнивый художник! Нет, нет!.. Так слышите, Конти, сколько пожелаете.

Конти уходит.

Явление пятое

Принц. Сколько он пожелает! (К портрету.) Любая цена за тебя будет еще слишком низкой... О, дивное создание искусства, неужели я действительно обладаю тобой? Кому бы ты ни принадлежала, ты - еще более дивное творение природы!.. Все, что вы хотите за нее, добрая мать! Все, что хочешь и ты, старый ворчун! Только требуйте! Только требуйте! Лучше всего было бы купить тебя, волшебница, у тебя же самой!.. Эти глаза, полные прелести и скромности! Эти уста! А когда они открываются, чтобы говорить!.. А когда они улыбаются! О, эти уста!.. Я слышу шаги... Я еще слишком ревную тебя. (Поворачивает портрет лицом к стене.) Это, должно быть, Маринелли. Зачем я за ним посылал!.. Какое утро я бы мог провести!

Явление шестое

Принц, Маринелли.

Маринелли. Ваша светлость меня простит. Я не ожидал, что меня вызовут столь рано.

Принц. Мне захотелось поехать кататься. Утро было так прекрасно. Но теперь оно уже прошло. Прошла и у меня охота. (После короткой паузы.) Что у нас нового, Маринелли?

Маринелли. У меня нет никаких важных новостей... Графиня Орсина вчера приехала в город.

Принц. Вот уже от нее утреннее приветствие (Показывает на ее письмо.) Или что там еще может быть? Я на этот счет совсем не

любопытен! Вы говорили с ней?

Маринелли. Ведь я, к сожалению, ее наперсник. Но если я когда-нибудь снова стану наперсником у дамы, которой вздумается серьезно вас полюбить, принц, то...

Принц. Зарока не дано, Маринелли!

Маринелли. Да? В самом деле, принц? Это может случиться? О! Значит, графиня не так уже неправа.

Принц. Во всяком случае, весьма неправа!.. Мое близкое бракосочетание с принцессой Массанской требует, чтобы я сперва порвал все связи подобного рода.

Маринелли. Если бы только это, Орсина безусловно должна была бы примириться со своей судьбой, как принц со своей.

Принц. Которая, бесспорно, тяжелее ее судьбы. Мое сердце приносится в жертву жалким государственным выгодам. А она должна только взять обратно свое сердце - ей не приходится отдавать его против воли.

Маринелли. Взять обратно? Почему же взять обратно? - спрашивает графиня. - Если речь идет только о супруге, с которой принца свяжет не любовь, а политика? Подле такой супруги фаворитка всегда найдет себе место. Она боится, что ею пожертвуют не для такой супруги, но...

Принц. Для новой возлюбленной?.. Ну, что ж! Не хотите ли вы вменить мне это в преступление, Маринелли?

Маринелли. Я?.. О! Не смешивайте меня, принц, с безумной, чьи слова я вам передаю... передаю из жалости. Ведь вчера она поистине меня чрезвычайно растрогала. Она совсем не хотела говорить о своих отношениях с вами. Она хотела казаться спокойной и холодной. Однако посреди самого незначущего разговора у нее вдруг вырвалось несколько слов намека на другую, и этим она выдала муки своего сердца. С самым веселым видом она говорила самые печальные вещи, а потом отпускала самые смешные шутки - с самым печальным лицом. Она ищет утешения в книгах. Боюсь, что они ее совсем доконают.

Принц. Так же, как они уже вывели из колеи ее бедный рассудок. Но ведь вы, Маринелли, если хотите вернуть меня к ней, не станете же прибегать именно к тому, что больше всего отдалило меня от нее. Если она сходит с ума от любви, то рано или поздно это случилось бы с ней и без любви. Ну, довольно о ней... Поговорим о чем-нибудь другом. Неужели в городе решительно ничего не случилось?

Маринелли. Да, почти что так... Ведь венчанье графа Аппиани, которое должно произойти сегодня, - все равно, что ничего.



Принц. Графа Аппиани? С кем же? Я должен бы знать, что он помолвлен.

Маринелли. Дело хранилось в строжайшей тайне. Да и нечего было подымать из-за него большой шум... Вы будете смеяться, принц... Такова судьба чувствительных душ! Любовь всегда играет с ними самые злые шутки. Девушка без состояния, без положения сумела завлечь его в свои сети с помощью некоторого притворства и яркого блеска добродетели, чувства, остроумия и... не знаю уж чего!

Принц. Кто может так полно, - так бездумно отдаваться обаянию невинности и красоты, тот, мне кажется, заслуживает скорее зависти, чем насмешки. А как зовут эту счастливицу? Ведь как бы там ни было, этот Аппиани, - а я прекрасно знаю, Маринелли, что вы терпеть его не можете, да и он вас тоже, - как бы там ни было, он - весьма достойный молодой человек, красивый мужчина, богач и человек вполне честный. Я бы очень хотел привязать его к себе. Я еще подумаю об этом.

Маринелли. Если только уже не поздно. Насколько я знаю, он совсем не намерен искать счастья при дворе... Он хочет отправиться со своей повелительницей в свои пьемонтские долины: охотиться в Альпах за сернами и дрессировать сурков. Есть ли у него лучший выбор? Из-за неудачного брака, в который он вступает, здесь для него все кончено. Круг лучших домов теперь для него закрыт...

Принц. Ну, уж эти ваши лучшие дома! Дома, где царят церемонность, принужденность и скука, а нередко и нужда. Однако назовите же мне ту, кому он приносит столь великие жертвы.

Маринелли. Это какая-то Эмилия Галотти.

Принц. Что вы сказали, Маринелли? Какая-то...

Маринелли. Эмилия Галотти.

Принц. Эмилия Галотти?.. Не может быть!

Маринелли. Уверяю вас, ваша светлость.

Принц. Нет, говорю я. Это не она, этого не может быть. Вы ошибаетесь в имени. Род Галотти велик. Это может быть Галотти, но не Эмилия Галотти, не Эмилия!

Маринелли. Эмилия... Эмилия Галотти!

Принц. Значит, есть другая, которую так зовут. Вы сказали к тому же... "какая-то Эмилия Галотти"... какая-то. Только глупец мог бы так говорить о настоящей...

Маринелли. Ваша светлость, вы вне себя... Неужели вы знаете эту Эмилию?

Принц. Спрашивать надлежит мне, а не вам, Маринелли. Эмилия

Галотти? Дочь полковника Галотти из Сабьонетты?

Маринелли. Она самая.

Принц. И живет вместе с матерью здесь, в Гва-сталле?

Маринелли. Именно она.

Принц. Недалеко от храма Всех святых?

Маринелли. Именно она.

Принц. Одним словом... (Бросается к портрету и протягивает его Маринелли.) Вот!.. Эта? Эта Эмилия Галотти? Скажи еще раз это проклятое "именно она" и вонзи мне кинжал в сердце!

Маринелли. Именно она.

Принц. Палач!.. Эта самая Эмилия Галотти станет сегодня...

Маринелли. Графиней Аппиани.

Принц вырывает портрет из рук Маринелли и отбрасывает в сторону.

Венчание совершится в тишине, в имении ее отца, в Сабьонетте. В полдень мать, дочь, граф и, может быть, несколько друзей отправятся туда.

Принц (в отчаянии падая на стул). Тогда я погиб! Если так, я не хочу жить!

Маринелли. Но что с вами, принц?

Принц (вскакивает и обращается к нему). Предатель!.. Что со мной? Ну да, я люблю ее. Я молюсь на нее. Вы должны были это знать! Вы должны были давно это знать, все вы, которые желали бы, чтобы я вечно влачил постыдные оковы безумной Орсины! Но как вы, Маринелли, вы, так часто уверявший меня в вашей глубочайшей дружбе, - о, у принцев нет друзей, у них не может быть друзей! - как могли вы так вероломно, так коварно скрывать от меня до этой минуты опасность, которая угрожала моей любви? Если я вам когда-нибудь это прощу, то пусть не простится мне ни один из моих грехов!

Маринелли. Принц, не могу найти слов - если даже вы мне это разрешите выразить вам мое изумление... Вы любите Эмилию Галотти?.. Тогда - клятва за клятву! Если я имел хоть малейшее представление, хоть чуть-чуть догадывался об этой любви, то пусть отступятся от меня все ангелы и все святые! Именно в этом я хотел поклясться графине Орсина. Ее подозрения идут совсем по другому пути.

Принц. В таком случае извините меня, Маринелли (бросается в его объятия), и посочувствуйте мне.

Маринелли. Ну вот, принц! Пожинайте плоды вашей скрытности! "У принцев нет друзей, у них не может быть друзей!" А в чем причина, если это так? Причина в том, что они не хотят иметь друзей. Сегодня они достаивают нас своим доверием, делятся с нами самыми тайными

желаниями, открывают нам всю душу, а завтра мы для них так же чужды, словно они никогда не обменивались с нами ни единым словом.

Принц. Ах, Маринелли, как мог я довериться вам то, в чем я почти не хотел признаться самому себе?

Маринелли. Значит, тем менее вы признались виновнице ваших страданий?

Принц. Ей?.. Как я ни старался еще раз поговорить с ней, все было напрасно...

Маринелли. А в первый раз...

Принц. Я говорил с ней... О, я схожу с ума! Долго еще мне вам рассказывать? Вы видите, я - добыча волн. Зачем вам так подробно расспрашивать, как это случилось? Спасите меня, если можете, и тогда уж спрашивайте.

Маринелли. Спасти вас? Да что тут спасать? В чем вы опоздали, ваша светлость? Признаться Эмилии Галотти? Вы признаетесь графине Аппиани - и только. Товар, который нельзя приобрести из первых рук, приобретают из вторых. И нередко товары, купленные из вторых рук, обходятся дешевле.

Принц. Говорите серьезно, Маринелли, говорите серьезно, иначе...

Маринелли. Правда, они зато и хуже.

Принц. Вы наглее.

Маринелли. К тому же граф хочет уехать с ней отсюда... Да, нужно подумать о каком-либо другом средстве.

Принц. О каком? Добрейший, любезнейший Маринелли, ну, придумайте за меня. Что бы вы стали делать на моем месте?

Маринелли. Прежде всего смотрел бы на безделицу как на безделицу. Затем сказал бы себе, что я не понапрасну хочу быть тем, кем я создан, властелином!

Принц. Не обольщайте меня ссылками на власть, с которой здесь, по моему, нечего делать. Сегодня, говорите вы? Уже сегодня?

Маринелли. Сегодня только это должно совершиться. А нельзя помочь лишь тогда, когда дело уже сделано. (После короткого раздумья.) Хотите, принц, предоставить мне свободу действий? Согласны ли вы одобрить все, что я сделаю?

Принц. Все, Маринелли, все, что только может предотвратить этот удар.

Маринелли. Так не будем терять времени... Но вы не должны оставаться в городе. Поезжайте немедленно на вашу виллу в Дозало. Дорога в Сабьонетту проходит мимо нее. Если мне не удастся мгновенно удалить графа, я думаю... Нет, нет! Я уверен, он непременно попадет в эту

ловушку. Ведь вы хотите, принц, по случаю вашего обручения отправить посланника в Массу? Пусть граф будет этим посланником, с условием, что он уедет еще сегодня. Понимаете?

Принц. Отлично! Пришлите его ко мне. Ступайте скорей. Я сейчас же сажусь в карету.

Маринелли уходит.

Явление седьмое

Принц. Сейчас же! Сейчас же! Где он? (Ищет глазами портрет.) На полу. Это недопустимо! (Поднимает портрет.) Смотреть на тебя? Я не могу больше смотреть на тебя! К чему глубже вонзать стрелу в мою рану? (Отставляет портрет в сторону.) Довольно я томился и вздыхал - дольше, чем следовало, а ничего не сделал! Из-за этой праздной неги я чуть было не потерял всего! А если все потеряно? А если Маринелли ничего не сможет сделать? Зачем я полагаюсь на него одного? Мне пришло в голову: в этот час (смотрит на часы), как раз в этот час благочестивая девушка имеет обыкновение каждое утро слушать мессу у доминиканцев... А что, если я попытаюсь там с ней заговорить? Однако нынче, в день ее свадьбы... нынче у нее на сердце другие дела, а не месса... Впрочем, кто может знать? Выход один. (Звонит. Пока он поспешно собирает некоторые из лежащих на столе бумаг, входит камердинер.) Подать карету! Из советников нет еще никого?

Камердинер. Камилло Рота,

Принц. Пусть войдет.

Камердинер уходит.

Только бы он меня не задержал. Сейчас это невозможно. В другой раз я готов уделить побольше времени всяческим его колебаниям... Тут была еще просьба какой-то Эмилии Брунески... (Ищет ее.) Вот она... Однако, любезная Брунески, где твоя заступница?..

Явление восьмое

Камилло Рота (с бумагами), Принц.

Принц. Сюда, Рота, сюда! Вот что я распечатал сегодня утром. Мало утешительного! Вы сами увидите, что тут надо сделать. Возьмите же.

Камилло Рота. Хорошо, ваша светлость.

Принц. Здесь еще просьба некоей Эмилии Галот... Брунески, хочу я сказать... Я уже написал свое согласие, однако... просьба, совсем не пустячная... Подождите с исполнением... И даже не ждите, а как вам будет угодно.

Камилло Рота. Не как мне будет угодно, ваша светлость.

Принц. А что там еще? Что-нибудь подписать?

Камилло Рота. Нужно подписать смертный приговор.

Принц. Весьма охотно!.. Давайте сюда! Быстрой!

Камилло Рота (в изумлении глядя на принца). Смертный приговор, я сказал.

Принц. Прекрасно слышу. Я бы успел уже это сделать. Я тороплюсь.

Камилло Рота (просматривает свои бумаги). Я, как видно, не захватил его с собой! Простите меня, ваша светлость. С этим можно повременить до завтра.

Принц. Можно и так. Собирайте же бумаги! Мне нужно ехать... Завтра, Рота, займемся подольше. (Уходит.)

Камилло Рота (качает головой, собирает бумаги и направляется к выходу). "Весьма охотно!" Смертный приговор - весьма охотно! В эту минуту я бы не дал подписать приговор, даже если бы дело шло об убийце моего единственного сына. Весьма охотно! Весьма охотно! Это ужасное "весьма охотно" пронзает мне душу!

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действие происходит в зале в доме Галотти.

Явление первое

Клаудия Галотти и Пирро.

Клаудия (входя, обращается к Пирро, появляющемуся с другой стороны). Какой это всадник въехал во двор?

Пирро. Наш господин, сударыня.

Клаудия. Супруг мой? Возможно ли?

Пирро. Он следует за мной.

Клаудия. Так нежданно? (Спешит ему навстречу.) Ах! Мой дорогой!

Явление второе

Те же и Одоардо Галотти.

Одоардо. С добрым утром, моя милая! Не правда ли, это называется удивить?

Клаудия. И самым приятным образом! Если только за этой неожиданностью ничего не скрывается.

Одоардо. Ничего более! Не беспокойся... Счастье этого дня заставило меня рано проснуться. Утро было так прекрасно. Путь так недалек. Я думал, что у вас тут столько дела... Мне пришло в голову, что вы можете легко о чем-нибудь позабыть... Одним словом, я приезжаю, смотрю и тотчас же уезжаю обратно... Где Эмилия? Наверно, занята нарядами?

Клаудия. Занята своей душой! Она слушает мессу. "Сегодня больше, чем в любой другой день, нужно молить о милости всевышнего", сказала она, бросила все, накинула вуаль и поспешила...

Одоардо. Совсем одна?

Клаудия. Тут несколько шагов...

Одоардо. Достаточно и одного, чтоб оступиться.

Клаудия. Не сердитесь, мой дорогой. Пойдемте ко мне - минуту отдохнуть и закусить, если хотите.

Одоардо. Как хочешь, Клаудия, только она не должна была итти одна...

Клаудия. А вы, Пирро, оставайтесь здесь в прихожей и не допускайте сегодня никаких посетителей.

Явление третье

Пирро и вскоре за тем Анжело.

Пирро. Которые являются только из любопытства... О чем только они меня не спрашивали за последний час! Кто это идет?

Анжело (выглядывает из-за сцены. Он в коротком плаще, которым прикрывает лицо; шляпа надвинута на лоб). Пирро!.. Пирро!..

Пирро. Знакомый?

Анжело входит и распахивает плащ. О небо! Анжело? Ты ли это? 122

Анжело. Как видишь. Я уже давно хожу возле дома, чтобы поговорить с тобой... Два слова...

Пирро. И ты решаешься снова показываться среди людей? Ведь после того последнего убийства тебя объявили вне закона. За твою голову назначена награда.

Анжело. Но ты ведь не хочешь заслужить ее!

Пирро. Чего тебе надо? Прошу тебя, не делай меня несчастным.

Анжело. Не этим ли? (Показывает ему кошелек с золотом.) Бери! Это твое!

Пирро. Мое?

Анжело. Разве ты забыл? Твой прежний хозяин, немец...

Пирро. Молчи о нем!

Анжело. Которого ты привел к нам в ловушку, на дороге в Пизу...

Пирро. Если бы нас кто-нибудь услышал!

Анжело. Он был так любезен, что оставил нам и драгоценный перстень... Разве ты не знаешь? Этот перстень был слишком драгоценен, чтобы сразу же обратить его в деньги и не вызвать подозрений. Но наконец это мне удалось. Я получил за него сто пистолей. Вот это - твоя часть. Возьми!

Пирро. Я ничего не хочу... Оставь все себе.

Анжело. Как хочешь! Если тебе все равно, за сколько ты продаешь свою голову... (Делает вид, что хочет снова спрятать кошелек.)

Пирро. Ну, давай сюда. (Берет деньги). Ну, а еще что? Ведь не только ради этого ты разыскал меня...

Анжело. Тебе это кажется невероятным?.. Негодяй! Да что ты о нас думаешь?.. Что мы способны присваивать чужое добро? Это, может быть, принято у так называемых порядочных людей, но не у нас... Прощай! (Делает вид, будто хочет уйти, и возвращается.) Я должен все-таки спросить у тебя одну вещь. Старый Галотти совершенно один прискакал в город. Что ему нужно?

Пирро. Ничего ему не нужно. Просто проехался верхом. Его дочь сегодня вечером в их родовом поместье венчается с графом Аппиани. Он не может дожидаться часа...

Анжело. И скоро уезжает обратно?

Пирро. Так скоро, что застанет тебя здесь, если ты еще замешкаешься. Но у тебя нет никакого умысла против него? Берегись. Он - человек...

Анжело. Разве я его не знаю? Разве я не служил у него под началом? Если бы еще у него было чем поживиться! Когда едут молодые?

Пирро. Примерно в полдень.

Анжело. Много будет провожатых?

Пирро. Поедут в одной карете - мать, дочь и граф. Несколько друзей приедут из Сабьонетты в качестве свидетелей.

Анжело. А слуги?

Пирро. Только двое, не считая меня. Я поеду верхом впереди.

Анжело. Это хорошо. Еще вопрос. Чья карета? Ваша или графа?

Пирро. Графа.

Анжело. Плохо! Там еще фореитор да кучер-силач. Все же...

Пирро. Удивляюсь! Чего тебе надо?.. Какие-то драгоценности, что могут быть у невесты, вряд ли стоят труда...

Анжело. Зато стоит сама невеста!

Пирро. И в этом преступлении мне также придется быть твоим сообщником?

Анжело. Ты поедешь верхом впереди. Скачи себе и скачи! Да не оглядывайся назад!

Пирро. Ни разу!

Анжело. Как? Мне почудилось, ты хочешь разыграть роль совестливого человека... Ну, молодчик! Я думаю, ты знаешь меня. Если ты проболтаешься... если хоть что-нибудь окажется не так, как ты мне описал...

Пирро. Но, Анжело, во имя неба!

Анжело. Делай так, как тебе сказали. (Уходит.)

Пирро. Ах! Стоит дьяволу ухватить тебя за один лишь волосок, и ты навсегда в его власти! О, я несчастный!

Явление четвертое

Одоардо и Клаудия Галотти, Пирро.

Одоардо. Ее слишком долго нет. Я не могу больше...

Клаудия. Еще минуту, Одоардо! Она будет огорчена, если не увидит тебя.

Одоардо. Я должен еще завернуть к графу. С трудом могу дождаться мига, когда назову моим сыном этого достойного молодого человека. Все в нем меня восхищает! И больше всего решение жить уединенно в отеческих долинах.

Клаудия. У меня сердце разрывается, когда об этом думаю... Неужели мы должны совсем потерять нашу единственную, нашу милую дочь!

Одоардо. Что ты называешь потерять ее? Знать, что она в объятиях любви? Не смешивай радость, которую она приносит тебе, с ее счастьем. Ты хочешь оживить мое давнее подозрение, будто шум и рассеяние света, близость двора, скорее, чем необходимость дать нашей дочери приличное воспитание, побудили тебя остаться с нею здесь, в городе, вдали от мужа и отца, который так любит вас.

Клаудия. Как это несправедливо, Одоардо! Но позволь мне сегодня привести один-единственный довод в пользу этого города, этой близости ко двору, который так ненавистен твоей строгой добродетели. Здесь, только здесь любовь могла соединить созданных друг для друга. Только здесь граф мог найти Эмилию и нашел ее.

Одоардо. Это я допускаю. Но, добрая моя Клаудия, разве ты права потому только, что исход дела оправдывает тебя!.. Хорошо, что так кончилось с этим городским воспитанием! Не будем считать себя мудрыми там, где нам только посчастливилось! Хорошо, что так кончилось!.. Теперь они, назначенные друг для друга, соединились. Пусть же теперь они отправятся туда, куда призывает их невинность и тишина... Что делать здесь графу? Гнуть спину, льстить и ползать да стараться взять верх над разными Маринелли, чтобы добиться, наконец, успеха, которого ему не нужно? Чтобы удостоиться в конце концов почестей, которые для него ничто?.. Пирро!

Пирро. Я здесь.

Одоардо. Ступай, отведи моего коня к дому графа. Я приду вслед за тобой и поеду оттуда.

Пирро уходит.

Зачем графу здесь служить, когда там он может повелевать? К тому же ты не думаешь, Клаудия, о том, что он из-за нашей дочери окончательно портит свои отношения с принцем. Принц ненавидит меня.



Клаудия. Может быть, меньше, чем ты опасешься.

Одоардо. Опасаешься? Очень я этого опасуюсь!

Клаудия. Говорила ли я тебе, что принц видел нашу дочь?

Одоардо. Принц? Где же?

Клаудия. У канцлера Гримальди на последнем вечере, который он удостоил своим присутствием. Он проявил к ней такую благосклонность...

Одоардо. Такую благосклонность...

Клаудия. Он так долго беседовал с ней...

Одоардо. Беседовал с ней?

Клаудия. Повидимому, был так очарован ее веселостью и остроумием...

Одоардо. Так очарован?

Клаудия. Так усердно превозносил ее красоту...

Одоардо. Превозносил? И ты рассказываешь все это мне с таким восторгом? О Клаудия! Клаудия! Тщеславная, безумная мать!

Клаудия. Почему же?

Одоардо. Ну, хорошо, хорошо! И с этим кончено! Ах, когда я только себе представляю... Вот куда меня можно было бы так смертельно ранить!.. Сластолюбец, который восхищается, домогается своего... Клаудия! Клаудия! Одна мысль об этом приводит меня в бешенство... Ты должна была сейчас же известить меня... Однако мне бы не хотелось сегодня говорить тебе что-нибудь неприятное. А если я задержусь (она хватает его за руку), это непременно случится. Поэтому пусти меня! С богом, Клаудия! Надеюсь, вы благополучно приедете вслед за мной!

Явление пятое

Клаудия. Что за человек! О, грубая добродетель!.. Если только она заслуживает этого имени. Все кажется ему подозрительным, достойным кары!.. Если это называется знанием людей, то кто желал бы обладать этим знанием?.. Но где же Эмилия? Принц - враг ее отца. Следовательно, если он обратил свой взор на дочь, то единственно для того, чтоб ее опозорить.

Явление шестое

Эмилия и Клаудия Галотти.

Эмилия (вбегает, в страхе и смятении). Слава богу! Слава богу! Теперь я в безопасности. Или он и сюда последовал за мной? (Откинув вуаль и увидев мать.) Не преследует ли он меня, матушка? Нет, благодарение небу!

Клаудия. Что с тобой, дочь моя? Что с тобой?

Эмилия. Ничего, ничего...

Клаудия. Ты так дико озираешься вокруг? И вся дрожишь?

Эмилия. Что мне пришлось выслушать! И где, где должна была я это

услышать!

Клаудия. Я думала, ты в церкви...

Эмилия. Там это и случилось. Что церковь и алтарь пороку? Ах, матушка! (Бросается в ее объятия.)

Клаудия. Говори, дочь моя... Не мучь меня этими страхами... Что могло случиться с тобой плохого там, в храме?

Эмилия. Никогда моя молитва не должна была бы быть более искренней \*и горячеей, чем сегодня. И никогда она не была более далекой от этого.

Клаудия. Мы - только люди, Эмилия. Молитвенный дар не всегда в нашей власти. Для неба желание молиться - уже молитва.

Эмилия. И желание грешить - уже, грех.

Клаудия. Этого моя Эмилия не могла желать!

Эмилия. Нет, матушка. Господня милость не дала мне пасть так низко... Но чужой порок может и против нашей воли сделать нас своим сообщником!

Клаудия. Приди в себя! Соберись с мыслями, насколько это возможно... Скажи мне: что с тобой случилось?

Эмилия. Только я преклонила колена - дальше от алтаря, чем обычно, потому что я слишком поздно пришла... только стала возносить мое сердце к всевышнему, как кто-то занял место вплотную зади меня, совсем вплотную зади меня! Я не могла отодвинуться ни вперед, ни в сторону, как ни хотела: я боялась, что молитва кого-либо из соседей помешает мне сосредоточиться... Молитва! Вот самое страшное, чего я боялась... Но прошло немного времени, и я услышала совсем у своего уха... после глубокого вздоха... не имя святого., а имя... не сердитесь, матушка, имя вашей дочери... Мое имя... О, если бы удар грома не дал мне дольше слушать!.. Он говорил о красоте, о любви... Он жаловался, что этот день, означающий счастье для меня, навсегда делает его несчастным... Он заклинал меня... Мне пришлось все это выслушать. Но я не оборачивалась. Я хотела показать вид, будто ничего не слышу. Что могла я сделать еще?.. Молить моего доброго ангела, чтобы он поразил меня глухотой, хотя бы даже навеки! Я молила его об этом. Единственно об этом могла я молиться... Наконец пришло время снова подняться. Служба кончилась. Я дрожала, боясь увидеть того, кто осмелился позволить себе такую наглость. И когда я обернулась и когда я его увидела...

Клаудия. Кого, дочь моя?

Эмилия. Угадайте, матушка, угадайте... Мне казалось, что земля разверзнется подо мной... Его самого.

Клаудия. Кого же самого?

Эмилия. Принца.

Клаудия. Принца!.. Да будет благословенно нетерпение твоего отца, который только что был здесь и не захотел тебя дожидаться!

Эмилия. Отец был здесь и не захотел меня дожидаться?

Клаудия. Если бы ты в твоём смятенье и ему рассказала все это...

Эмилия. Что же, матушка? Что ж он мог бы осудить во мне?

Клаудия. Ничего, так же, как и во мне. И все же, все же... Ах, ты не знаешь твоего отца! В своём гневе он смешал бы преступника с невинной жертвой. В бешенстве ему бы показалось, что я способствовала тому, чего я не могла ни предупредить, ни предвидеть. Но дальше, дочь моя, дальше! Когда ты узнала принца... Я надеюсь, что ты достаточно овладела собой и выразила ему взглядом все презрение, которого он заслуживает.

Эмилия. Я не овладела собой, матушка. После первого взгляда, когда я его узнала, у меня нехватило мужества еще раз на него посмотреть. Я побежала...

Клаудия. А принц за тобой...

Эмилия. Я этого не знала, пока на паперти не почувствовала, как меня схватили за руку. Это был он! От стыда я должна была остановиться. Вырваться от него? Но это обратило бы на нас внимание проходящих. Вот единственная мысль, на которую я была еще способна или о которой еще помню. Он говорил, и я ему отвечала. Но что говорил он, что я отвечала... если вспомню, - да... тогда я расскажу вам, матушка. Сейчас я ничего не знаю. Я была как в беспамятстве. Тщетно пытаюсь припомнить, как вырвалась я от него и выбежала прочь. Я опомнилась уже на улице. И слышу, как он бежит за мной, и слышу, как он вслед за мной вступает в дом, вместе со мной поднимается по лестнице...

Клаудия. У страха глаза велики, дочь моя! Никогда не забуду, с каким выраженьем лица ты вбежала... Нет, он не мог осмелиться следовать за тобой сюда... Боже! Боже! Если бы твой отец это знал! Как он расвирепел, когда узнал, что принцу доставило удовольствие встретиться с тобой на днях... Теперь успокойся, дочь моя. Сочти за сон все то, что с тобой случилось. Ведь это будет иметь, еще меньше последствий, чем сон. Сегодня все эти преследования окончатся для тебя.

Эмилия. Нет; матушка. Граф должен это знать. Я должна рассказать ему.

Клаудия. Ради всего на свете - не надо! Зачем это? К чему? Разве ты хочешь из-за пустяков - ну, конечно же, из-за пустяков - встревожить его? Даже если бы он сейчас и не встревожился, знай, дитя, что яд, который не

действует сразу, тем не менее остается опасным ядом. Что не производит никакого впечатления на жениха, может подействовать на мужа. Жениху может даже показаться лестным победить такого важного соперника. Но когда он его уже победит, ах, дитя мое... как часто жених становится тогда совершенно другим существом. Да хранит тебя твоя звезда от этого испытания.

Эмилия. Вы знаете, матушка, как охотно я во всем признаю превосходство вашего ума... Но если он узнает от другого, что принц сегодня говорил со мной? Разве мое умолчание рано или поздно не умножит его тревоги? Я все же думаю, что лучше мне ничего не таить от него на сердце.

Клаудия. Слабость! Слабость влюбленной! Нет, ни в каком случае, дочь моя! Не говори ему ничего. Не показывай ему и вида.

Эмилия. Хорошо, матушка! У меня нет своей воли, когда я с вами. Ах! (Глубоко вздохнув.) Теперь мне опять стало совсем легко. Какое я глупое, пугливое создание! Не правда ли, матушка? Я могла при этом и совсем иначе себя вести и все же была бы не более виновата, чем сейчас.

Клаудия. Я не хотела тебе этого говорить, пока твой собственный здравый смысл не скажет тебе того же. И я знала, что он тебе это скажет, как только ты снова придешь в себя... Принц - человек галантный. Ты слишком мало привыкла к языку галантности, а он ничего и не значит. На этом языке простая любезность становится чувством, комплимент - клятвой, каприз - желанием, желание - умыслом. Ничто звучит на этом языке как все, и все на нем значит то же, что ничего.

Эмилия. О матушка! Если так, то я с моими опасениями должна была показаться и вовсе смешной! Конечно, мой милый Аппиани ничего не узнает об этом! Он легко мог бы счесть меня скорее тщеславной, чем добродетельной. Вот он сам сюда идет. Это его шаги.

Явление седьмое

Те же и граф Аппиани.

Аппиани (входит, глубоко задумавшись, опустив глаза; он приближается, не замечал Эмилии, пока она сама не подбегает к нему). Ах, моя дорогая! Я не ожидал встретить вас в гостиной.

Эмилия. Я бы желала, чтобы вы, граф, были веселее даже там, где вы не ожидаете меня встретить... Так торжественны? Так задумчивы? Разве этот день не заслуживает более радостных порывов?

Аппиани. Он стоит большего, чем вся моя жизнь. Но он полон для меня такого блаженства, что, может быть, само это блаженство делает меня столь задумчивым или, как вы называете, торжественным. (Заметив мать

Эмилии.) Ах, и вы здесь, сударыня! Скоро я буду называть вас именем более нежным!

Клаудия. И оно будет моею величайшей гордостью! Как ты счастлива, моя Эмилия! Почему твой отец не пожелал разделить нашей радости?

Аппиани. Я только что вырвался из его объятий, вернее - он из моих. Моя Эмилия, что за человек ваш отец! Образец всех мужских добродетелей. В какую высь поднимается моя душа, когда я с ним! Моя решимость всегда быть добрым и благородным никогда не бывает сильнее, чем когда я его вижу, чем когда я думаю о нем. И чем же еще, как не воплощением этого желания, я могу сделать себя достойным чести называться его сыном, быть вашим, моя Эмилия?

Эмилия. И он не пожелал меня подождать!

Аппиани. Я думаю, это потому, что Эмилия в это краткое посещение слишком бы потрясла его, слишком овладела бы всей его душой.

Клаудия. Он думал, ты занята своим свадебным нарядом, а услышал...

Аппиани. То, что и я услышал от него с умилением и восторгом... Как прекрасно, моя Эмилия! Я найду в вас благочестивую жену, которая притом же не гордится своим благочестием.

Клаудия. Все же, дети мои, надо делать одно и не забывать о другом! Уже время. Займись же, Эмилия, приготовлениями!

Аппиани. Зачем, сударыня?

Клаудия. Неужели вы хотите вести ее к алтарю вот в этом платье?

Аппиани. Право, я только сейчас заметил. Кто может смотреть на вас, Эмилия, и думать о вашем наряде?.. Почему бы ей не итти под венец такой, как сейчас?

Эмилия. Нет, милый граф, не такой, не совсем такой, но и не очень нарядной, нет, не очень... Одна минута - и я буду готова... На мне не будет ни одного из тех драгоценных камней, которые подарило мне ваше расточительное великодушие. Не надену ничего, решительно ничего, что подобало бы для этих драгоценностей! Я могла бы возненавидеть эти камни, если бы мне их подарили не вы... Ведь они мне приснились три раза!

Клаудия. Как! Я об этом ничего не знаю.

Эмилия. Мне снилось, будто я их надела и каждый камень вдруг превратился в жемчужину. А жемчуг, матушка, жемчуг ведь означает слезы.

Клаудия. Дитя! Толкование снов само похоже на сновидение. Разве ты раньше не предпочитала жемчуг другим камням?

Эмилия. Конечно, матушка, конечно...

Аппиани (задумчиво и меланхолично). Означает слезы, означает

слезы...

Эмилия. Как? Это вас поражает? Вас?

Аппиани. Да. Мне следовало бы стыдиться. Однако когда воображение уже настроилось на грустные образы...

Эмилия. Почему оно так настроено? А что вы скажете о том, что я надумала? Что было на мне, какой был у меня вид, когда я понравилась вам впервые? Вы еще помните?

Аппиани. Помню ли я еще? В мыслях я не вижу вас иной. И вижу вас такой и тогда, когда вижу вас иной.

Эмилия. Итак, платье того же цвета, того же покроя, свободное, развевающееся.

Аппиани. Чудесно!

Эмилия. А волосы...

Аппиани. В их естественном темном блеске, в локонах, как их создала сама природа.

Эмилия. Не забывайте и о розе в волосах! Хорошо же! Немножко терпения и я такой предстану пред вами!

Явление восьмое

Граф Аппиани, Клаудия Галотти.

Аппиани (грустно глядит вслед Эмили). Жемчуг означает слезы... Немножко терпения! Да, если бы время существовало только вне нас!.. Если бы минута на циферблате не могла растянуться на целые годы внутри нас!..

Клаудия. А ведь Эмилия и правильно и быстро заметила, граф, что вы сегодня серьезней обычного. Сейчас, когда только один шаг отделяет вас от цели ваших желаний, может быть вы раскаиваетесь, что это было целью ваших желаний?

Аппиани. Ах, матушка, как можете вы подозревать в этом вашего сына? Но сегодня я в самом деле необычайно грустен и мрачен. Видите ли, сударыня, быть на расстоянии какого-нибудь шага от цели или совсем не приблизиться к ней - в сущности одно и то же. Все, что я вижу, все, что слышу, все, о чем грежу, - все со вчерашнего и позавчерашнего дня внушает мне эту истину. Эта мысль цепляется ко всякой мысли, которая приходит мне в голову. Что бы это было? Я не пойму.

Клаудия. Граф, вы меня тревожите.

Аппиани. Одно к одному! Я стал раздражительным. Я сержусь на друзей, на себя самого.

Клаудия. Как так?

Аппиани. Мои друзья настоятельно требуют, чтоб я хоть слово сказал

принцу о моей женитьбе, прежде чем она совершится. Они признают, что я не обязан этого делать, но приличие этого требует. И я был настолько слаб, что обещал им. Сейчас я собирался к нему ехать.

Клаудия (в изумлении). К принцу?

Явление девятое

Те же и Пирро, тотчас вслед за ним Маринелли.

Пирро. Сударыня, маркиз Маринелли остановился перед домом и спрашивает графа.

Аппиани. Меня?

Пирро. Вот и он сам. (Открывает дверь и выходит.)

Маринелли. Прошу извинить меня, сударыня. Граф, я был у вас и узнал, что вы здесь. У меня к вам неотложное дело. Сударыня, я еще раз прошу извинения. Это отнимет несколько минут.

Клаудия. Я не хочу затягивать эти минуты. (Кланяется и уходит.)

Явление десятое

Маринелли и Аппиани.

Аппиани. Итак, сударь?

Маринелли. Я пришел от лица его светлости принца.

Аппиани. Что ему угодно?

Маринелли. Я горжусь, что мне выпало сообщить вам о столь высокой милости. И если граф Аппиани упорно не хочет признать в моем лице одного из своих преданнейших друзей...

Аппиани. Нельзя ли без предисловий, если смею просить?

Маринелли. Хорошо! Принц должен тотчас же отправить к герцогу Массанскому посланника по случаю своей свадьбы с его дочерью. Он долго не мог решиться, кого назначить. Наконец его выбор, граф, пал на вас.

Аппиани. На меня?

Маринелли. И это произошло не без моего содействия, если дружбе разрешается быть хвастливой.

Аппиани. Право, вы ставите меня в затруднительное положение - не знаю, как благодарить вас. Я давно уже перестал ожидать, что принц соизволит дать мне какое-нибудь поручение.

Маринелли. Я уверен, что ему только недоставало достойного вас случая. А если и этот случай недостаточно достоин такого человека, как граф Аппиани, то, конечно, моя дружба была слишком поспешна в своем усердии.

Аппиани. Дружба, дружба, на каждом третьем слове! С кем же я говорю? О дружбе с маркизом Маринелли я никогда не мечтал.

Маринелли. Граф, сознаю свою ошибку, непростительную ошибку, что пожелал стать вашим другом без вашего согласия. Впрочем, не все ли равно? Милость принца и предлагаемая вам честь остаются в прежней силе. Я не сомневаюсь, вы с радостью воспользуетесь ими.

Аппиани (после некоторого раздумья). Конечно.

Маринелли. Так поедem.

Аппиани. Куда?

Маринелли. В Дозало, к принцу. Все уже готово, и вы должны уехать сегодня же.

Аппиани. Что вы говорите? Сегодня же?

Маринелли. И лучше тотчас же. Дело крайне спешное.

Аппиани. В самом деле? В таком случае мне очень жаль, что я вынужден отказаться от чести, которую мне оказывает принц.

Маринелли. Как?

Аппиани. Сегодня выехать я не могу... и завтра тоже не могу... и послезавтра тоже!

Маринелли. Граф, вы шутите!

Аппиани. С вами?

Маринелли. Бесподобно! Если шутка относится к принцу, то она тем забавней... Вы не можете ехать?

Аппиани. Нет, сударь, нет... И я надеюсь, что сам принц признает мое извинение заслуживающим внимания.

Маринелли. Мне было бы любопытно его услышать.

Аппиани. О, безделица! Я, видите ли, сегодня женюсь.

Маринелли. Ну? Так что же?

Аппиани. Что же?... Что же?... Ваш вопрос необычайно простодушен.

Маринелли. Бывали примеры, граф, когда свадьба откладывалась. Я, конечно, не думаю, что этим всегда оказывали услугу невесте или жениху. Дело может иметь и свою неприятную сторону. Но все же, думается мне, приказание государя...

Аппиани. Приказание государя? Государя? Государь, которого сам себе избираешь, собственно говоря, не вполне и государь. Я согласен с тем, что вы обязаны принцу безусловным повиновением. Но я - нет. Я прибыл ко двору принца по своей охоте. Я хотел иметь честь ему служить, но не быть его рабом. Я - вассал сюзерена более могущественного...

Маринелли. Могущественный или слабый, повелитель есть повелитель.

Аппиани. Разве я стану с вами спорить об этом? Довольно! Передайте принцу то, что вы от меня слышали. Скажите: мне очень жаль, что я не



могу воспользоваться его милостью, ибо именно сегодня я вступаю в союз, который составляет все мое счастье...

Маринелли. Не хотите ли вы заодно сообщить ему - с кем?

Аппиани. С Эмилией Галотти.

Маринелли. С девицей из этого дома?

Аппиани. Из этого дома.

Маринелли. Гм! Гм!

Аппиани. Что вам угодно?

Маринелли. Я бы думал, что в таком случае представляется менее затруднительным отложить обряд до вашего возвращения.

Аппиани. Обряд? Только обряд?

Маринелли. Добрые родители не будут смотреть на это так строго.

Аппиани. Добрые родители?

Маринелли. А Эмилия уж несомненно останется вашей.

Аппиани. Уж и несомненно? Вы с вашим "несомненно" - несомненно самая подлинная обезьяна!

Маринелли. Вы это обо мне, граф?

Аппиани. Почему бы и нет?

Маринелли. Гром и молния! Мы еще поговорим!

Аппиани. Ба! Обезьяна презлая, но...

Маринелли. Проклятие! Граф, я требую удовлетворения!

Аппиани. Это само собой разумеется.

Маринелли. И получил бы его теперь же, только я не хочу портить такой день нежному жениху.

Аппиани. Добросердечное создание! Нет! Нет! (Хватает его за руку.) В Массу я, разумеется, сегодня не поеду, но для прогулки с вами у меня времени достаточно. Пойдемте! Пойдемте!

Маринелли (вырывается и уходит). Терпенье, граф, терпенье!

Явление одиннадцатое

Аппиани и Клаудия Галотти.

Аппиани. Иди, гнусный человек! Ах! Это оказалось благотворным для меня. Кровь моя пришла в волнение. Я чувствую себя совсем по-другому - лучше.

Клаудия (поспешно входит, озабоченно). Боже! Граф!.. Я слышала бурный спор... Ваше лицо пылает. Что случилось?

Аппиани. Ничего, сударыня, решительно ничего. Камергер Маринелли оказал мне большую услугу. Он избавил меня от необходимости посетить принца.

Клаудия. Действительно?

Аппиани. Итак, мы можем выехать еще раньше. Пойду поторопить моих людей и сейчас же вернусь. Эмилия за это время тоже будет готова.

Клаудия. Граф, могу я быть совершенно спокойна?

Аппиани. Будьте совершенно спокойны, сударыня. (Выходит.)

Клаудия уходит в соседнюю комнату.

### ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Аванзала на вилле принца.

Явление первое

Принц и Маринелли.

Маринелли. Напрасно. Он с величайшим презрением отверг предложенную ему честь.

Принц. И на этом дело остановилось? Так это совершится? Значит, еще сегодня она будет принадлежать ему?

Маринелли. По всей вероятности.

Принц. Я так много ожидал от вашего плана!.. Кто знает, как глупо вы себя при этом вели. Если глупец и подаст невзначай хороший совет, то выполнение его следует поручить умному человеку. Это я должен был принять в расчет.

Маринелли. Вот как я награжден!

Принц. А за что награждать вас?

Маринелли. За то, что я рисковал из-за этого жизнью... Когда я увидел, что ни серьезными словами, ни насмешками нельзя заставить графа пожертвовать любовью ради почестей, я попытался вывести его из себя. Я наговорил ему таких вещей, что он забылся. Он стал оскорблять меня. Я потребовал удовлетворения, немедленного удовлетворения, тут же, на месте. Я думал так: или он меня, или я его. Если я его, то поле битвы наше. Если же он меня, ну так что ж? В этом случае ему придется бежать, и принц по крайней мере выиграет время.

Принц. Вы бы сделали это, Маринелли?

Маринелли. Ах, надо бы заранее знать, когда так глупо проявляешь готовность пожертвовать собой ради (сильных мира сего, надо бы заранее знать, какова будет их признательность.

Принц. А как граф? Молва говорит, что он не позволит два раза повторить ему подобные вещи.

Маринелли. Смотря по обстоятельствам, конечно... Кто может поставить ему это в упрек? Он возразил, что у него сегодня есть дело поважнее, чем драться со мной, и назначил мне встречу через неделю после своей свадьбы.

Принц. С Эмилией Галотти! Одна мысль об этом сводит меня с ума! И

вы удовольствовались этим и ушли. И вот приходите ко мне и хвастаете, что рисковали жизнью из-за меня, что жертвовали собой!

Маринелли. Что же я должен был, ваша светлость, еще сделать?

Принц. Еще сделать? Словно вы что-то сделали!

Маринелли. Разрешите все же узнать, ваша светлость, что вы сами сделали для себя? Вам удалось поговорить с нею в церкви? О чем вы с ней договорились?

Принц (презрительно). Какое любопытство! Что ж, я могу удовлетворить его. О, все шло наилучшим образом... Вам не нужно больше беспокоиться, слишком услужливый друг мой! Более, чем полпути, прошла она навстречу моим желаниям. Я должен был сейчас же взять ее с собой. (Холодно и повелительно.) Ну, теперь вы узнали, что хотели... и можете идти!

Маринелли. "И можете идти"! Да, да, так кончается песня. Так оно было бы, если бы я и попытался совершить невозможное... Невозможное, сказал я? Конечно, это не было бы невозможно, но в достаточной мере рискованно. Если бы невеста была в нашей власти, ручаюсь, что из свадьбы ничего бы не вышло.

Принц. Эх! За что только этот человек не поручится! Мне только стоило бы дать вам отряд моих телохранителей, вы бы устроили засаду на большой дороге, напали бы с пятьюдесятью солдатами на карету, вытащили бы оттуда девушку и с торжеством привели бы ее ко мне.

Маринелли. Был уже случай, что девушку увезли насильно, и в этом не увидели насильственного похищения.

Принц. Если бы вы были способны это сделать, вы бы так много не болтали об этом.

Маринелли. Однако за исход дела нельзя было бы ручаться... При этом всегда возможны несчастные случаи.

Принц. Не правда ли, ведь это мой обычай - возлагать на людей ответственность за то, за что они не могут отвечать?

Маринелли. Итак, ваша светлость...

Вдали слышен выстрел.

Ах, что это? Не слышалось ли мне? Ваша светлость, вы не слышали выстрела? Вот опять!

Принц. В чем дело? Что случилось?

Маринелли. А как вы думаете? Что, если я оказался деятельнее, чем вы полагали?

Принц. Деятельнее?.. Так расскажите...

Маринелли. Одним словом: то, о чем я говорил, сейчас

осуществляется.

Принц. Возможно ли?

Маринелли. Только не забывайте, принц, в чем вы мне сейчас ручались... Я имею еще раз ваше слово...

Принц. Но меры таковы...

Маринелли. Таковы, какими только могут быть! Исполнение доверено людям, на которых я могу положиться. Дорога проходит возле самой ограды зверинца. Здесь часть моих людей нападет на карету, как будто для грабежа. Остальные, с которыми один из моих слуг, бросятся из зверинца, будто бы на помощь жертвам. Во время драки, которую для виду затеют и те и другие, мой слуга должен схватить Эмилию, словно желая ее спасти, и через зверинец принести во дворец... Так мы уговорились. Что скажете теперь, принц?

Принц. Вы изумляете меня столь странным образом... На меня напал страх.

Маринелли подходит к окну.

На что вы смотрите?

Маринелли. Это должно быть там! Так и есть! Кто-то в маске уж перескочил через ограду... без сомнения, чтоб донести мне об успехе... Удалитесь теперь, ваша светлость.

Принц. Ах, Маринелли...

Маринелли. Ну? Не правда ли, теперь я слишком много сделал, а еще минуточку назад - слишком мало?

Принц. Нет, не то. Но мне во всем этом неясно...

Маринелли. Неясно? Лучше все... разом! Скорей удалитесь. Маска не должна увидеть вас...

Принц уходит.

Явление второе

Маринелли и вскоре за тем Анжело.

Маринелли (снова подходит к окну). Карета медленно возвращается в город. Как медленно! И у каждой дверцы по слуге?.. Эти признаки мне не нравятся. Это значит, что дело удалось лишь наполовину. Это значит, что осторожно везут домой раненого, а не убитого. Маска спускается. Это сам Анжело. Отчаянная голова! Он знает здесь все ходы. Он делает мне знаки. Должно быть, уверен в успехе своего дела. Ах, господин граф, вы не хотели ехать в Массу, теперь вы должны ехать в более дальний путь! Кто вас так хорошо познакомил с обезьянами? (Подходит к двери.) Да, они презлые! Ну, Анжело?

Анжело (снимает маску). Будьте наготове, господин камергер. Ее

сейчас должны привести.

Маринелли. Ну, как кончилось дело?

Анжело. По-моему, отлично.

Маринелли. Что с графом?

Анжело. К вашим услугам! Так-то! Но его, должно быть, кто-то предупредил. Он не совсем' был неподготовлен.

Маринелли. Скорее скажи мне все. Он убит?

Анжело. Мне жаль этого доброго господина.

Маринелли. Ну, вот тебе за твое сострадательное сердце. (Дает ему кошелек с золотом.)

Анжело. Все кончено и с моим славным Николо! Ему пришлось также поплатиться.

Маринелли. Вот как? Потери с обеих сторон?

Анжело. Этого честного парня мне жаль до слез! Хотя вот это (взвешивает в руке кошелек) на одну четверть утешает меня. Ведь я его наследник, я отомстил за его смерть. Таков наш закон - хороший закон; по-моему, он словно создан для поддержания дружбы и верности. Этот Николо, господин камергер...

Маринелли. А ну тебя с твоим Николо! Граф, что граф?

Анжело. Чорт возьми! Граф ловко в него угодил. Зато и я угодил в графа! Он повалился. Если он еще живым вернулся в карету, то ручаюсь, что живым из нее он не выйдет.

Маринелли. Если только все это действительно так, Анжело.

Анжело. Пусть я лишусь службы у вас, если это неверно. Есть ли у вас еще какие-нибудь приказания? Ведь мне предстоит очень далекий путь: мы хотим еще сегодня перебраться за границу,

Маринелли. Так ступай.

Анжело. Если снова что-нибудь понадобится, господин камергер, вы знаете, где обо мне спросить. То, на что может решиться кто-либо другой, и для меня не бог весть какая хитрость. А я дешевле любого другого. (Уходит.)

Маринелли. Это хорошо, однако ж не вполне. Эх, Анжело! Как можно быть таким скрягой! Он, конечно, заслуживал еще одного выстрела. А как он, верно, должен сейчас мучиться, бедный граф!.. Эх, Анжело! Это значит плохо заниматься своим ремеслом и только портить дело!.. Однако принц пока ничего не должен знать. Пусть сперва он сам признает, как выгодна ему эта смерть. Эта смерть... Чего бы я не дал, лишь бы увериться, что это так!

Явление третье

Принц и Маринелли.

Принц. Вот она идет по аллее. Она спешит, слугу оставила позади. Словно страх окрыляет ее. Она не подозревает еще ни о чем. Думает только, что спаслась от разбойников... Но долго ли это будет так?

Маринелли. Но она все же в наших руках.

Принц. А разве мать ее не разыщет? Разве граф не последует за ней? Что же мы будем потом делать? Как смогу я не пустить ее к ним?

Маринелли. На все это я, разумеется, еще не могу дать ответа. Увидим. Потерпите, ваша светлость. Нужно же было сделать первый шаг.

Принц. Зачем? Если нам придется отступить?

Маринелли. Может быть, и не придется. Тут тысяча вещей, на которые можно будет опереться... И разве вы забыли самое главное?

Принц. Как могу я забыть то, о чем, конечно, и не думал. Самое главное? Что же это?

Маринелли. Искусство нравиться, искусство убеждать... в нем никогда не ощущал недостатка принц, который любит.

Принц. Никогда не ощущал недостатка? Кроме тех случаев, когда оно ему было всего нужней... Я сегодня уже совершил весьма неудачную попытку применить это искусство. Ни комплиментами, ни клятвами не мог я вырвать у нее хотя бы слово. Немая и дрожащая, с опущенной головой стояла она, словно преступница, что слушает свой смертный приговор. И меня заразил ее страх, я задрожал и кончил тем, что просил о прощении. Я едва осмелюсь снова заговорить с ней. Во всяком случае я не решусь встретить ее здесь, когда она войдет. Вы, Маринелли, должны ее принять. Я буду здесь поблизости, послушаю, какой оборот примет дело, и войду, когда соберусь с силами.

Явление четвертое

Маринелли и вскоре потом его слуга Баттиста с Эмилией.

Маринелли. Если только она не видела своими глазами, как он упал... А она не могла этого видеть, ведь она так поспешно умчалась... Вот она идет. Я тоже не хочу быть первым, на кого упадет ее взгляд. (Прячется в углу залы.)

Баттиста. Сюда пожалуйста, сударыня.

Эмилия (тяжело дыша). Ах!.. Ах!.. Благодарю вас, друг мой... Благодарю вас. Но боже, боже! Где я?.. И совсем одна! Где осталась моя матушка? Где граф? Ведь они идут за нами? Вслед за мной?

Баттиста. Я полагаю.

Эмилия. Вы полагаете? Вы не знаете? Вы ее не видели? Разве позади нас не стреляли?

Баттиста. Стреляли? Будто?

Эмилия. Конечно! И пуля настигла графа или матушку...

Баттиста. Сейчас пойду за ними.

Эмилия. Не уходите без меня... Я пойду с вами. Я должна пойти с вами. Пойдемте, мой друг!

Маринелли (внезапно появляется). Ах, сударыня! Какое несчастье или, вернее, какое счастье, какое счастливое несчастье доставило нам честь...

Эмилия (удивленно). Как? Вы здесь, сударь? Значит, я у вас? Извините меня, господин камергер. Недалеко отсюда на нас напали разбойники. Добрые люди пришли нам на помощь. Этот честный человек вынес меня из кареты и привел сюда... Но я страшусь мысли, что спасена я одна. Матушка моя еще в опасности. Позади нас даже стреляли. Ее, может быть, убили. А я жива еще. Простите меня... Я должна идти, я должна вернуться туда, где мне следовало остаться...

Маринелли. Успокойтесь, сударыня. Те, кто дорог вам, о ком вы так беспокоитесь, скоро будут с вами. Все же, Баттиста, ступай, сбегай туда. Они могут не знать, где находится ее милость. Они, может быть, ищут ее в одной из пристроек в саду. Приведи их тотчас же сюда!

Баттиста уходит.

Эмилия. Правда? Все они спасены? С ними ничего не случилось? Ах, какой это страшный день для меня! Но я не должна здесь оставаться. Я должна поспешить им навстречу...

Маринелли. К чему же, сударыня? Вы и так еле дышите, совсем без сил. Отдохните еще, соблаговолите пройти в другую комнату, там вам будет удобнее. Бьюсь об заклад, что принц там уже успокаивает дражайшую, почтенную вашу матушку и сейчас приведет ее к вам.

Эмилия. Кто? Как вы сказали?

Маринелли. Наш все милостивейший принц.

Эмилия (в сильном смущенье). Принц?

Маринелли. При первой вести он помчался вам на помощь. Он крайне возмущен, что на подобное преступление могли осмелиться так близко от его резиденции, почти на его глазах. Он приказал найти преступников, и когда они будут пойманы, им назначат неслыханное наказание.

Эмилия. Принц? Где же я, в таком случае?

Маринелли. В Дозало, на вилле принца.

Эмилия. Какой случай! И вы думаете, что он сам может скоро прийти сюда? Но, конечно, вместе с моей матушкой?

Маринелли. Вот и он.

Явление пятое

Принц, Эмилия, Маринелли.

Принц. Где она? Где? Мы разыскиваем вас повсюду, прекраснейшая Эмилия. Вы хорошо чувствуете себя? Ну, тогда все хорошо! Граф и ваша матушка...

Эмилия. Ах, ваша светлость! Где они? Где моя матушка?

Принц. Недалеко отсюда. Совсем поблизости.

Эмилия. Боже, в каком состоянии я, может быть, увижу матушку или графа! Это, конечно, так! Ведь вы что-то скрываете от меня, ваша светлость. Я вижу, вы что-то скрываете от меня.

Принц. Да нет, нет! Дайте мне вашу руку и следуйте за мной без страха.

Эмилия (нерешительно). Однако... если с ними ничего не случилось... если предчувствие обманывает меня... почему же они не здесь? Почему они не пришли вместе с вами, ваша светлость?

Принц. Так поспешите же, сударыня, и вы увидите, как все страшные картины сразу исчезнут.

Эмилия. Что мне делать? (Ломает руки.)

Принц. Как, сударыня? Я внушаю вам подозрение?

Эмилия (бросается на колени перед принцем). У ваших ног, принц...

Принц (поднимая ее). Я крайне пристыжен... Да, Эмилия, я заслужил этот немой упрек. Мое поведение сегодня утром ничем нельзя оправдать... в лучшем случае его можно извинить. Простите меня за слабость. Я не должен был беспокоить вас никакими признаниями, от которых не мог ожидать никакого успеха. Я достаточно был наказан тем безмолвным смущением, с которым вы их слушали, или, вернее, не слушали... И этот случай, благодаря которому мне снова дано счастье видеть вас и говорить с вами, прежде чем исчезнут все мои надежды... этот случай я мог бы истолковать как знак благосклонной судьбы... истолковать как чудесную отсрочку окончательного приговора, чтобы еще раз осмелиться просить о помиловании, но я хочу - не дрожите, сударыня! зависеть единственно и только от вашего взгляда. Ни единое слово, ни единый вздох не должен вас оскорбить... Только не терзайте меня вашим недоверием. Только не сомневайтесь ни на минуту в вашей неограниченной власти надо мной. Только бы вам никогда не приходило в голову, что вы нуждаетесь в чьей-либо защите от меня... А теперь идемте, сударыня... пойдемте туда, где вас ожидает чудесная радость, которой вы более достойны. (Уводит ее почти насильно.) Следуйте за нами, Маринелли!

Маринелли. "Следуйте за нами". Это должно означать - "не следуйте за нами"! Да зачем мне и следовать за ними? Пусть теперь увидит, как



далеко удастся ему довести дело с ней с глазу на глаз... Единственная моя забота не допустить, чтобы кто-нибудь им помешал. От графа я этого не ожидаю. Но ее мать, ее мать! Меня бы очень удивило, если бы она спокойно удалилась и оставила дочь на произвол судьбы.

Входит Баттиста.

Ну, Баттиста? Что слышно?

Явление шестое

Баттиста, Маринелли.

Баттиста (поспешно). Мать, господин камергер...

Маринелли. Я так и думал! Где она?

Баттиста. Если вы этого не предупредите, то она будет здесь через минуту... Я вовсе не хотел искать ее, как вы мне для виду приказали, но вдруг услышал вдали ее крик. Она напала на след дочери, а может быть, и на след всей нашей затеи! Все люди, какие только есть в этой уединенной местности, собрались вокруг нее, и каждый хочет быть ее проводником. Не знаю, сказали ли ей уже, что принц и вы здесь... Что вы думаете делать?

Маринелли. Посмотрим. (Размышляет.) Не впускать ее, раз она знает, что дочь ее здесь? Это не годится... Конечно, она вытаращит глаза, когда увидит волка с овечкой. Глаза? Это еще куда ни шло. Но да смилуется небо над нашими ушами! Ну что ж! Ведь и лучшие легкие истощают свою силу, даже у женщин. Все они перестают кричать, когда уж не могут больше... Однако ж это мать, и нужно, чтоб она была на нашей стороне... Насколько я знаю матерей, то стать чем-то вроде тещи принца - это польстило бы большинству из них. Пускай войдет сюда, Баттиста, пускай войдет!

Баттиста. Вы слышите? Вы слышите?

Клаудия (за сценой). Эмилия! Эмилия! Дитя мое, где ты?

Маринелли. Ступай, Баттиста. Постарайся только выпроводить ее любопытных спутников.

Явление седьмое

Клаудия Галотти, Баттиста, Маринелли.

Клаудия (входит в дверь в тот момент, когда Баттиста собирается выйти). Ах, это он вытащил ее из кареты! Он увел ее. Я узнаю тебя. Кто ты? Говори, несчастный!

Баттиста. И это - благодарность мне?

Клаудия. О, если ты заслуживаешь благодарности (более мягким тоном), так прости меня, честный человек!.. Где она?.. Не разлучайте меня дольше с ней! Где она?

Баттиста. О, ваша милость, она и в раю господнем не могла бы быть в большей безопасности... Вот мой господин, он проведет вашу милость к

ней. (Людям, которые хотят войти.) Эй, вы! Назад!

Явление восьмой

Клаудия Галотти и Маринелли.

Клаудия. Твой господин? (Увидев Маринелли, отступает назад.) Ах! Это и есть твой господин? Вы здесь, сударь! И дочь моя здесь? И вы, вы проводите меня к ней?

Маринелли. С величайшей радостью, сударыня.

Клаудия. Погодите!.. Мне только что пришло в голову... Ведь это были вы, не правда ли? Это вы сегодня утром разыскивали графа в моем доме? Это с вами я оставила его наедине? Это с вами у него произошла ссора?

Маринелли. Ссора? Это для меня ново. Небольшой спор по делам принца...

Клаудия. И вас зовут Маринелли?

Маринелли. Маркиз Маринелли.

Клаудия. Значит, так и есть! Слушайте же, господин маркиз... Маринелли... Имя Маринелли было... вместе с проклятьем... Нет, я не стану клеветать на благородного человека... Без всякого проклятья... Проклятье я прибавила сама... Имя Маринелли было последним словом умирающего графа.

Маринелли. Умирающего графа? Графа Аппиани? Вы слышите, сударыня, что сильнее всего поражает меня в ваших странных словах... умирающего графа?.. Что вы еще хотели сказать, я просто не понимаю...

Клаудия (медленно и с горечью). Имя Маринелли было последним словом умирающего графа! Вы теперь понимаете? Сперва я не поняла: это было сказано с таким выражением... с таким выражением... Я слышу этот тон еще сейчас! Где был мой разум? Как я сразу не поняла, что значит этот тон?

Маринелли. Что ж, сударыня! Я был с давних пор другом графа, его вернейшим другом. Итак, если он, умирая, произнес мое имя...

Клаудия. Но каким тоном? Я не могу его воспроизвести, не могу описать, но в нем заключалось все, все!.. Как? Напавшие на нас были грабители? Это были убийцы, подкупленные убийцы! И "Маринелли, Маринелли" - вот было последнее слово умирающего графа! И каким тоном он произнес его!

Маринелли. Каким тоном? Слыхано ли, чтобы обвинение, выдвинутое против честного человека, основывалось на выражении голоса, который кто-то услышал в минуту испуга?

Клаудия. Ах, если бы только звук этого голоса я могла представить на суд!.. Но горе мне! Я забываю из-за него о моей дочери! Где она? Что с

нею? Тоже убита? Чем же виновата моя дочь, что Аппиани был твоим врагом?

Маринелли. Я прощаю все это испуганной матери. Пойдемте, сударыня. Ваша дочь здесь, в одной из соседних комнат. Надеюсь, она уже совсем оправилась от испуга. С нежнейшей заботливостью сам принц занят ею...

Клаудия. Кто? Кто - сам?

Маринелли. Принц.

Клаудия. Принц? В самом деле принц! Наш принц?

Маринелли. Какой же еще?

Клаудия. Если так, я - несчастная мать! А ее отец, ее отец! Он проклянет час ее рождения! Он проклянет меня!

Маринелли. Ради всего святого, сударыня! Что это вам приходит в голову?

Клаудия. Все ясно! Разве нет? Сегодня в храме! Пред очами пречистой девы! В присутствии предвечного началось это мерзкое дело. Там оно началось... (Обращаясь к Маринелли.) Убийца! Трусливый, презренный убийца! Тебе нехватает мужества, чтобы убивать своей рукой, но ты достаточно гнусен, чтобы убивать для удовлетворения чужой похоти! Чтобы убивать с чужой помощью! Отребье среди убийц! Честные убийцы не потерпят тебя в своем кругу! Да, тебя! Тебя! Почему бы мне в едином слове не изрыгнуть тебе в лицо всю мою желчь, всю мою слюну! Тебе! Тебе, сводник!

Маринелли. Вы бредите, добрая женщина... Но умерьте по крайней мере ваши дикие крики, подумайте, где вы находитесь.

Клаудия. Где я? Подумать, где я? Какое дело львице, в чьем лесу она рычит, если у нее похитили детенышей?

Эмилия (за сценой). Ах, моя мать! Я слышу ее голос!

Клаудия. Ее голос! Это она! Она меня услышала! И я не должна была кричать? Где ты, дитя мое? Иду, я иду! (Бросается в соседнюю комнату, Маринелли за ней.)

#### ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Там же.

Явление первое

Принц, Маринелли.

Принц (выходя из комнаты). Идите сюда, Маринелли! Мне надо отдохнуть... И нужно получить от вас объяснение.

Маринелли. Ну и материнская же ярость! Ха-ха-ха!

Принц. Вы смеетесь?

Маринелли. Если бы вы видели, принц, как эта мать неистовствовала здесь, в зале... Вы слышали, как она вопила... и как она сразу стала ручной при первом же взгляде на вас... Ха-ха! Я отлично знаю - ни одна мать не выцарапает глаза принцу за то, что он находит ее дочь прелестной.

Принц. Вы плохой наблюдатель! В объятия матери дочь упала без чувств. Из-за этого, а не из-за меня мать забыла свой гнев. Дочь, а не меня она щадила, когда не сказала громче и отчетливее то, что я предпочел бы не слышать и не понять.

Маринелли. Что же именно, ваша светлость?

Принц. Зачем притворяться? Говорите же прямо! Правда это или нет?

Маринелли. А если бы и правда?

Принц. Если бы и правда? Значит, это правда? Он убит? Убит? (Угрожающе.) Маринелли, Маринелли!

Маринелли. Так что же?

Принц. Клянусь богом! Клянусь вседержителем-богом! Я не повинен в этой крови... Если бы вы заранее мне сказали, что это будет стоить жизни графу... Нет, ни за что! Даже если бы это стоило жизни мне самому!..

Маринелли. Если бы я вам сказал заранее? Слово его смерть входила в мои планы! Я строго-настрого приказал Анжело, чтоб никому не причинили никакого вреда. Все обошлось бы без малейшего насилия, если бы граф первый не прибег к нему. Он неожиданно уложил выстрелом одного из наших людей.

Принц. Да, право, ему следовало бы понимать шутки!

Маринелли. Анжело тогда пришел в ярость и отомстил за смерть своего товарища...

Принц. Конечно, это вполне естественно!

Маринелли. Я сделал ему строжайший выговор за это.

Принц. Сделали выговор? Как это дружелюбно! Предупредите его, чтобы его нога не ступала в мои владения. Мой выговор не будет столь дружелюбным.

Маринелли. Прекрасно! Я и Анжело, умысел и случайность - все это одно и то же... Правда, заранее было условлено, заранее было обещано, что никакой несчастный случай, который мог бы при этом произойти, не будет поставлен мне в вину.

Принц. Вы говорите - который мог бы произойти? Или который должен был произойти?

Маринелли. Чем дальше, тем лучше! Однако, ваша светлость, прежде чем вы мне скажете напрямик, кем вы меня считаете... выслушайте один довод. Смерть графа мне отнюдь не безразлична. Я его вызвал на поединок.

Он должен был дать мне удовлетворение. Он покинул этот мир, не дав его мне. Моя честь остается запятнанной. Допустим, что при всех других обстоятельствах я заслуживал бы тех подозрений, которые вы питаете на мой счет, но неужели и в этом случае... (С притворным жаром.) Кто может так думать обо мне?

Принц (уступая). Ну, хорошо, хорошо!

Маринелли. Если б он был еще жив! О, если бы он был еще жив! Я бы отдал за это все, все на свете (с горечью); даже милость моего принца, эту бесценную милость, которую нужно неусыпно беречь, я бы отдал за это!

Принц. Я понимаю... Ну, хорошо, хорошо. Его смерть была случайностью, чистой случайностью. Вы ручаетесь за это, и я вам верю. Но кто еще этому поверит? Мать? Эмилия? Свет?

Маринелли (холодно). Вряд ли.

Принц. А если этому не поверят, то что же подумают? Вы пожимаете плечами? Вашего Анжело будут считать орудием, а настоящим убийцей - меня...

Маринелли (еще холоднее). Очень может быть.

Принц. Меня! Меня самого! Или я должен с этой же минуты отказаться от всякой мысли об Эмилии...

Маринелли (совершенно невозмутимо). Что вы должны были бы сделать и в том случае, если бы граф остался в живых.

Принц (гневно, но тотчас овладев собой). Маринелли! Не доводите меня до исступления... Пусть будет так. Допустим: это - так! Ведь вы хотите только сказать, что смерть графа для меня счастье, что это величайшее счастье, которое могло выпасть на мою долю... единственное счастье, которое могло оказаться полезным для моей любви. Против этой смерти, если уж она такое счастье для меня, нельзя возражать. Одним графом больше на свете или меньше! Правильно ли я вас понял? Хорошо! И я не страшусь маленького преступления. Только, любезный друг, оно должно быть маленьким, тайным преступлением, должно быть маленьким и спасительным преступлением. А чаще, видите ли, не было ни тайным, ни спасительным. Оно, правда, очистило бы путь, но тотчас же закрыло бы его снова. Всякий может обвинить вас в этом преступлении. Лучше бы нам никогда не совершать его. И все это - следствие мудрых, необыкновенных мер, принятых вами?

Маринелли. Если вы так велели...

Принц. Как же иначе? Я требую объяснений!

Маринелли. Мне ставится в счет то, что к нему и не относится.

Принц. Требую объяснений!

Маринелли. Я к ним готов! Что произошло от мер, которые я принял? Уж не то ли, что на принца при этом несчастном случае падает столь явное подозрение? Тому причиной ловкая штука, которую сам принц соизволил проделать в дополнение к моим мерам.

Принц. Я?

Маринелли. Разрешите мне вам сказать, что шаг, предпринятый вами сегодня утром в церкви - с каким бы соблюдением приличий он ни был сделан и как бы он ни был неизбежен для вас, - шаг этот все же не входил в наш расчет.

Принц. Что же он нарушил?

Маринелли. Конечно, не окончательно весь расчет, но пока что какую-то его часть.

Принц. Гм! Вполне ли я вас понимаю?

Маринелли. Итак, скажем коротко и крайне просто: когда я взялся за это дело, Эмилия еще ничего не знала о любви-принца, не правда ли? И мать Эмилии еще менее. А что, если я все строил на этом? И принц подкопал фундамент моего здания.

Принц (ударяя себя по лбу). Проклятие!

Маринелли. Что, если он сам выдал свои намерения?

Принц. Проклятая фантазия!

Маринелли. А если бы он сам себя не выдал... Право, хотел бы я знать, в какой из принятых мною мер мать и дочь могли найти пищу для малейшего подозрения?

Принц. Как вы правы!

Маринелли. Поэтому-то я и неправ... Простите, ваша светлость...

Явление второе

Баттиста, Принц и Маринелли.

Баттиста (поспешно). Только что приехала графиня!

Принц. Графиня? Какая графиня?

Баттиста. Орсина.

Принц. Орсина?.. Маринелли! Орсина?.. Маринелли!

Маринелли. Меня это поражает не менее, чем вас.

Принц. Ступай, Баттиста, беги: пусть она не выходит из кареты. Меня здесь нет. Меня здесь нет для нее. Пусть сейчас же едет обратно! Иди! Беги!

Баттиста уходит.

Чего хочет эта безумная? Что она себе позволяет? Откуда она знает, что мы здесь? Неужели она стала следить за мной? Неужели она уже что-нибудь узнала? Ах, Маринелли! Да говорите же, отвечайте же! Неужели

оскорбился тот, кто! считает себя моим другом? И из-за какого ничтожного спора! Не должен ли я просить прощения?

Маринелли. Ах, мой принц, как только вы снова становитесь самим собой, я снова всей душой ваш. Приезд Орсины - для меня загадка, как и для вас. Но вряд ли она допустит, чтоб ее не приняли. Что вы думаете делать?

Принц. Я не хочу с нею говорить. Я удалюсь отсюда.

Маринелли. Хорошо! Только поскорее! Я приму ее.

Принц. Но только для того, чтобы предложить ей убраться. Не заводите с ней длинных разговоров. У нас здесь достаточно других дел.

Маринелли. Ну, что вы, принц! Эти дела уже устроены. Будьте тверды. Чего недостает, то придет само собой. Но я уже слышу ее шаги! Поторопитесь, принц! Вот сюда! (Показывает на кабинет, куда уходит принц) Если захотите, вы сможете слушать. Боюсь, боюсь, что она приехала не в благоприятный для нее час.

Явление третье

Графиня Орсина, Маринелли.

Орсина (не замечая сначала Маринелли). Что это значит? Никто меня не встречает, кроме какого-то наглеца, который не хотел было и впустить меня? Ведь я в Дозало? В Дозало, где прежде целый сонм угодливых льстецов выбегал мне навстречу? Где прежде ожидали меня любовь и восторги? Место то же, но... но... А, Маринелли, вы здесь! Очень хорошо, что принц взял вас с собой.. Нет, нехорошо. То, что я должна решить с ним, я только с ним решить и могу... Где он?

Маринелли. Принц, любезная графиня?

Орсина. А кто же еще?

Маринелли. Так вы полагаете, что он здесь? Вы знаете, что он здесь? Он по крайней мере не предполагает, что здесь графиня Орсина.

Орсина. Как так? Значит, он не получил моего письма сегодня утром?

Маринелли. Вашего письма? Да, в самом деле. Я припоминаю, он говорил о письме от вас.

Орсина. Так как же? Разве я в этом письме не просила его о свидании сегодня здесь, в Дозало? Правда, он не соизволил мне ответить письмом. Но я узнала, что час спустя он действительно уехал в Дозало. Я считала, что этого ответа достаточно, и вот я здесь.

Маринелли. Странная случайность!

Орсина. Случайность? Да вы слышите - это было условлено; все равно, что условлено. С моей стороны - письмо, с его стороны - действие. Что с вами, господин маркиз? Какие у вас сейчас глаза? Ваш умишко

удивляется? Да чему же?

Маринелли. Вы вчера казались так далеки от мысли когда-нибудь снова предстать перед принцем.

Орсина. Утро вечера мудреней. Где он? Где он? Бьюсь об заклад, он в той комнате, откуда я слышала крики и визг! Я хотела войти туда, но этот негодяй слуга загородил мне дорогу.

Маринелли. Моя дражайшая, любезная графиня...

Орсина. Это был женский визг. Бьюсь об заклад, Маринелли! Ах, скажите же мне, скажите... если я действительно ваша дражайшая, любезная графиня... Будь они прокляты, придворные негодяи! Что ни слово у них, то ложь! Что ж, какая важность - скажете ли вы мне наперед или нет? Я ведь сама увижу. (Хочет итти.)

Маринелли (удерживает ее). Куда?

Орсина. Туда, где мне давно уже следовало бы быть. Думаете ли вы, что это прилично - здесь, в приемной, болтать с вами попустому, меж тем как принц ожидает меня в своих покоях?

Маринелли. Вы ошибаетесь, любезная графиня. Принц вас не ждет. Принц не может, не хочет беседовать с вами здесь.

Орсина. Однако он здесь? Однако ж он приехал сюда из-за моего письма?

Маринелли. Не из-за вашего письма...

Орсина. Которое он получил, говорите вы...

Маринелли. Получил, но не прочитал.

Орсина (с жаром). Не прочитал? (С меньшим жаром.) Не прочитал? (Горестно вытирая слезы.) Даже не прочитал...

Маринелли. По рассеянности, я уверен. Не из презрения.

Орсина (гордо). Презрения?.. Кто думает об этом? Кому вы считаете нужным это говорить? Вы бесстыдный утешитель, Маринелли! Презрение! Презрение! Меня презирают! Меня! (Более тихим голосом, грустно.) Конечно, он меня больше не любит. С этим все кончено. И место любви в его сердце заняло другое чувство. Это естественно. Но почему непременно презрение? Довольно и равнодушия. Не правда ли, Маринелли?

Маринелли. Разумеется, разумеется.

Орсина (насмешливо). Разумеется! О, мудрец, которого можно заставить сказать все, что угодно! Равнодушие! Равнодушие вместо любви? Это значит ничего вместо чего-то. Узнайте же, придворный болтунишка, повторяющий чужие слова, узнайте же от женщины, что равнодушие - пустое слово, пустой звук, который ничего, вовсе ничего не значит. Можно быть равнодушным только к тому, о чем не думаешь, только к тому



предмету, который для тебя не предмет. Но быть равнодушным только к предметам, которые даже и не предметы, это значит вовсе не быть равнодушным. Что же, и это для тебя слишком непонятно?

Маринелли (про себя). О горе! Как были правильны мои опасения!

Орсина. Что вы там бормочете?

Маринелли. Только восхищаюсь! Кому же неизвестно, любезная графиня, что вы философ?

Орсина. Не правда ли? Да, да, я - философ! Но разве это сейчас было заметно? Какой ужас, если это было заметно и если и раньше бывало заметно! Удивительно ли, что принц презирает меня? Как может мужчина любить существо, которое, наперекор ему, еще хочет мыслить? Женщина, которая мыслит, так же отвратительна, как мужчина, который красится. Она должна смеяться, только смеяться, чтобы всегда поддерживать хорошее расположение духа у строгого царя мироздания. Ну, над чем же я смеюсь, Маринелли? Ах, да! Над этой случайностью! Я пишу принцу, чтоб он приехал в Дозало, а он не читает моего письма и все же приезжает в Дозало. Ха-ха-ха! Право же, странный случай! Очень потешный и нелепый! А вы не смеетесь вместе со мной, Маринелли? Смеяться вместе с нами может и строгий царь мироздания, хотя нам, бедным существам, и нельзя мыслить вместе с ним. (Серьезно и повелительно.) Так смейтесь же!

Маринелли. Сейчас, любезная графиня, сейчас.

Орсина. Болван! А между тем проходят минуты. Нет, нет, не смейтесь. Видите ли, Маринелли (задумавшись и почти в умилении), то, что заставляет меня так от всей души смеяться, имеет и серьезную, очень серьезную сторону. Как все на этом свете. Случай? Разве это случай, что принц не думал говорить здесь со мной и все же должен будет говорить? Что это, случай? Поверьте мне, Маринелли: слово "случай" есть богохульство. Ничто в подлунном мире не случайно, и уж, конечно, не случайно то, в чем так явно видно намерение. Всемогущее, всеблагое провидение, прости меня, что я заодно с этим вздорным грешником называла случаем то, что есть очевидное дело рук твоих, не иначе как дело рук твоих! (Поспешно, к Маринелли.) Попробуйте только еще раз толкнуть меня на подобное кощунство!

Маринелли (про себя). Это заходит слишком далеко! (Вслух.) Однако ж, любезная графиня...

Орсина. Без всяких "однако ж"! Эти "однако ж" требуют размышлений, а моя голова... Ах, моя голова! (Хватается за голову.) Устройте, Маринелли, устройте так, чтобы я сейчас же могла поговорить с принцем, иначе я буду не в состоянии говорить с ним... Вы видите, нам надо объясниться, мы

должны объясниться...

Явление четвертое

Принц, Орсина и Маринелли.

Принц (выходя из кабинета, про себя). Нужно прийти к нему на помощь...

Орсина (увидев его, не может решиться к нему подойти). А! Вот он!

Принц (проходит через залу мимо графини в другую комнату, говорит на ходу, не останавливаясь). Смотрите-ка! Наша прелестная графиня. Как я сожалею, сударыня, что сегодня так мало могу насладиться посещением, которым вы удостоили меня. Я занят. Я не один... В другой раз, моя милая графиня, в другой раз. Сейчас не задерживайтесь! Да, не задерживайтесь! А вас, Маринелли, я жду.

Явление пятое

Орсина и Маринелли.

Маринелли. Ну вот, любезная графиня, вы от него самого слышали то, чему не хотели верить, когда я вам это говорил.

Орсина (как оглушенная). Слышала ли я? В самом ли деле слышала?

Маринелли. В самом деле.

Орсина (печально). "Я занят. Я не один". И это все извинение, которого я достойна? От кого только не отделяются такими словами! От любого надоедливое посетителя, от любого просителя. Для меня он даже ничего не мог солгать? Никакого пустяка не мог придумать для меня? Занят? Чем же? Не один? Кто бы мог быть у него? Идите сюда, Маринелли, из милосердия, милый Маринелли! Измыслите какую-нибудь ложь на свой страх. Что стоит вам солгать? Что у него за дело? Кто у него? Скажите мне, ну, скажите первое, что вам подвернется на язык... и я уйду.

Маринелли (про себя). На этом условии я, конечно, могу сказать ей и частицу правды.

Орсина. Ну? Скорее, Маринелли, и я уйду. Принц и так уже сказал: "В другой раз, моя милая графиня". Разве он так не сказал? Чтоб он сдержал свое слово, чтоб у него не было предлога не сдержать слова, которое он мне дал, скорей, Маринелли, скажите вашу ложь, и я уйду.

Маринелли. Дорогая графиня, принц действительно не один. У него теперь лица, от которых он не может отлучиться ни на миг. Эти лица только что избежали большой опасности. Граф Аппиани...

Орсина. Сейчас у него?.. Жаль, что я должна поймать вас на этой лжи. Скорей придумайте другую. Ведь граф Аппиани, если это вам еще неизвестно, только что застрелен разбойниками. Я встретила недалеко от города карету, в которой везли его тело. А может быть, не так? Может быть,

все это мне только почудилось?

Маринелли. К сожалению, не только почудилось!.. Но другие лица, бывшие с графом, благополучно спаслись и находятся здесь. Это - невеста графа и ее мать. Он ехал с ними в Сабьонетту, чтобы там повенчаться.

Орсина. Значит, вот кто! Значит, это они у принца? Невеста? И мать невесты? А невеста хороша собой?

Маринелли. Принц проявляет необыкновенное участие к ней в постигшем ее горе.

Орсина. Хочу надеяться, даже если бы она была уродом. Ведь ее судьба так ужасна... Бедная, добрая девушка! Именно тогда, когда он должен был стать твоим навеки, его у тебя навсегда отняли! Кто же она, эта невеста? Знаю ли я ее? Я так давно оставила город, что ни о чем не знаю.

Маринелли. Это Эмилия Галотти.

Орсина. Кто? Эмилия Галотти? Эмилия Галотти? Смотрите, Маринелли! Как бы я не приняла эту ложь за правду!

Маринелли. Как так?

Орсина. Эмилия Галотти!

Маринелли. Вы вряд ли знаете ее.

Орсина. Нет, знаю! Хотя бы только с нынешнего дня... Но скажите серьезно, Маринелли. Это Эмилия Галотти? Та несчастная невеста, которую утешает принц, - Эмилия Галотти?

Маринелли (про себя). Не сказал ли я ей уж слишком много?

Орсина. И граф Аппиани был ее женихом? Аппиани, которого только что застрелили?

Маринелли. Никто другой.

Орсина. Bravo! О, bravo! (Хлопает в ладоши.)

Маринелли. Что это значит?

Орсина. Я бы расцеловала дьявола, который толкнул его на это!

Маринелли. Кого толкнул? На что?

Орсина. Да, расцеловала бы, я расцеловала бы его... даже если бы этим дьяволом были вы сами, Маринелли!

Маринелли. Графиня!

Орсина. Подойдите сюда! Посмотрите на меня! Прямо, прямо, в лицо!

Маринелли. Ну, что же?

Орсина. Вы не знаете, о чем я думаю?

Маринелли. Как могу я это знать?

Орсина. Вы не принимали в этом никакого участия?

Маринелли. В чем?

Орсина. Поклянитесь! Нет, не клянитесь. Вы могли бы взять на душу

лишний грех. Или, да... клянись же. Одним грехом больше или меньше - что это для того, кто уже осужден? Вы не принимали никакого участия в этом деле?

Маринелли. Вы меня пугаете, графиня!

Орсина. Правда?.. И ваше доброе сердце, Маринелли, ничего не подозревает?

Маринелли. Что? О чем?

Орсина. Хорошо... Так я вам открою нечто... нечто такое, от чего у вас волосы станут дыбом на голове... Но здесь, так близко от двери, нас кто-нибудь может услышать. Подойдите сюда. И... (подносит палец к губам) слушайте! Но держите это в совершенной тайне, в совершенной тайне! (Приближает губы к его уху, словно хочет шепнуть на ухо, но громко кричит.) Принц - убийца!

Маринелли. Графиня... Графиня... Вы лишились рассудка!

Орсина. Рассудка? Ха-ха-ха! (Хохочет во все горло). Редко когда, даже никогда не была я так довольна своим рассудком, как именно сейчас. Но это тайна, Маринелли!.. Это останется между нами. (Тихо.) Принц-убийца! Убийца графа Аппиани! Графа убили не разбойники, его убили пособники принца, его убил принц!

Маринелли. Как могла такая отвратительная мысль прийти вам на язык, прийти вам в голову?

Орсина. Как? Совершенно естественным образом. С этой самой Эмилией Галотти, которая сейчас здесь у принца и чей жених стремглав должен был убраться из этого мира, - с этой самой Эмилией Галотти принц бесконечно долго разговаривал сегодня на паперти доминиканского храма. Я это знаю, мои шпионы это видели. Они также слышали, о чем он с ней говорил. Ну, сударь мой! Лишилась ли я рассудка? Мне кажется, я еще достаточно хорошо привожу в связь то, что связано воедино. Или и это лишь случайное совпадение? Может, и здесь, по-вашему, случайность? О Маринелли, в таком случае вы и людскую злобу понимаете так же плохо, как пути провидения.

Маринелли. Графиня, вы можете погубить себя...

Орсина. Если расскажу это другим? Тем лучше, тем лучше! Завтра я разглашу это на рыночной площади. А тот, кто возражает мне... а тот, кто возражает мне, тот - сообщник убийцы... Прощайте! (Хочет уйти, но встречается в дверях со стариком Галотти, который поспешно входит.)

Явление шестое

Одоардо Галотти, Орсина и Маринелли.

Одоардо Галотти. Извините меня, сударыня...

Орсина. Мне здесь нечего извинять. Ведь мне здесь не на что обижаться... Обращайтесь вот к этому господину. (Указывает на Маринелли.)

Маринелли (увидев Галотти, про себя). Ну, конечно! Старик!..

Одоардо. Простите, сударь, отцу, который пребывает в крайнем замешательстве, что он входит сюда без доклада.

Орсина. Отец? (Возвращается.) Без сомнения, отец Эмилии? А, добро пожаловать!

Одоардо. Мне встретился слуга, скакавший с известием, что неподалеку отсюда мое семейство подверглось нападению. Я примчался сюда и узнаю, что граф Аппиани ранен, что он вернулся в город, что жена моя с дочерью спаслись и укрылись здесь на вилле... Где они, сударь? Где они?

Маринелли. Успокойтесь, господин полковник. С вашей супругой и вашей дочерью ничего не случилось. Они отделались испугом. Обе чувствуют себя хорошо. С ними принц. Я сейчас же пойду доложить о вас.

Одоардо. К чему докладывать?

Маринелли. По причинам, касающимся... касающимся принца. Вы знаете, господин полковник, каковы ваши отношения с принцем. Вы с ним не на дружеской ноге. Как бы ни был он милостив к вашей супруге и дочери, - они ведь дамы, - но значит ли это, что ваше неожиданное появление покажется ему уместным?

Одоардо. Вы правы, сударь, вы правы.

Маринелли. Однако, любезная графиня, могу ли я сперва иметь честь проводить вас до вашей кареты?

Орсина. Да нет, нет!

Маринелли (резким движением хватает ее за руку). Разрешите мне исполнить мою обязанность.

Орсина. Только полегче! Я освобождаю вас от этой обязанности, сударь. Подобные вам всегда вменяют себе в обязанность учтивость для того, чтобы иметь возможность пренебрегать своими подлинными обязанностями. Докладить об этом достойном человеке - вот ваша обязанность, и чем скорее, тем лучше.

Маринелли. Вы забыли, что сам принц велел вам?

Орсина. Пусть придет и еще раз велит мне. Я жду его.

Маринелли (тихо полковнику, отведя его в сторону).. Сударь, я должен оставить вас здесь с дамой, которая... у которой... рассудок которой... вы понимаете меня? Я говорю вам это, чтобы вы знали, как относиться к ее словам, которые иногда бывают весьма странны. Лучше всего не вступайте

с ней ни в какие разговоры.

Одоардо. Хорошо. Только поторопитесь, сударь.

Явление седьмое

Графиня Орсина, Одоардо Галотти.

Орсина (после небольшой паузы, в течение которой она с состраданием глядит на полковника, он же смотрит на нее с легким любопытством). Что он вам тут сказал, несчастный вы человек?

Одоардо (про себя, но полуобращаясь к ней). Несчастный?

Орсина. Конечно, это не могло быть правдой. А если он правду и сказал, так не ту, которую вам предстоит узнать.

Одоардо. Предстоит узнать? Разве я уже не достаточно знаю? Сударыня! Да говорите же, говорите же!

Орсина. Вы ничего не знаете?

Одоардо. Ничего.

Орсина. Добрый и милый отец. Чего бы я ни дала, чтобы вы были и моим отцом... Простите... Несчастные с такой готовностью привязываются друг к другу. Я бы честно хотела делить с вами скорбь и возмущение.

Одоардо. Скорбь и возмущение? Сударыня... Но я забыл... Говорите же.

Орсина. Что, если это единственная ваша дочь? Ваше единственное дитя? Впрочем, единственное или нет, разве не все равно? Несчастное дитя всегда единственное.

Одоардо. Несчастное?.. Сударыня!.. Впрочем, чего ж я хочу от нее?.. Но, клянусь богом, безумные так не говорят!

Орсина. Безумные? Значит, вот что он сказал вам обо мне. Ну, что же, это, может быть, еще не самая грубая его ложь. Я подозреваю что-то в этом роде!.. И верьте, верьте мне: кто при некоторых обстоятельствах не лишится рассудка, тому нечего лишаться.

Одоардо. Что мне думать?

Орсина. Вы не должны презирать меня! Ведь и у вас есть рассудок, добрый старик, и у вас... я вижу это по решительному выражению вашего лица... и у вас есть рассудок, а стоит сказать мне слово, и вы его лишитесь.

Одоардо. Сударыня! Сударыня! Я лишусь его еще до того, как вы мне скажете это слово, если вы не скажете мне его сейчас же!.. Скажите мне его! Скажите мне его! Или неправдой, неправдой будет то, что вы принадлежите к числу тех безумных, которые достойны нашего сострадания, нашего уважения... Вы попросту глупы. У вас нет того, чего у вас и не было.

Орсина. Так слушайте же! С чего это вы решили, будто вы все уже

знаете? Вы знаете, что Аппиани скончался?

Одоардо. Умер? Умер? Ах, сударыня, вы нарушаете уговор. Вы хотели лишиться меня рассудка, а разрываете мне сердце.

Орсина. Это лишь так, между прочим! Но далее... жених убит, а невеста ваша дочь... то, что совершилось с ней, хуже смерти.

Одоардо. Хуже... хуже смерти?.. Но, значит, она при этом и умерла. Ведь я знаю только одно, что хуже...

Орсина. Нет, не умерла. Нет, добрый отец, нет! Она жива, она жива. Теперь-то она только начнет жить по-настоящему. Жизнь, полная наслаждений. Самая прекрасная, самая веселая, привольная жизнь, - до тех пор, пока она не кончится.

Одоардо. Но где же слово, сударыня, то единственное слово, которое должно меня свести с ума! Скажите же его! Не лейте ваш яд по капле. Одно это слово! Скорей!

Орсина. Хорошо. Составьте же его по слогам! Утром принц во время мессы говорил с вашей дочерью. После обеда она у него в его увеселительной... увеселительной резиденции.

Одоардо. Говорил с ней во время мессы? Принц с моей дочерью?

Орсина. С какой искренностью! С каким жаром! Им надо было договориться о немаловажном деле. И очень хорошо, если они договорились; очень хорошо, если ваша дочь добровольно укрылась на этой вилле. Таким образом, видите: это выходит не насильственное похищение, а всего лишь маленькое... маленькое убийство...

Одоардо. Клевета! Проклятая клевета! Я знаю мою дочь. Если было убийство, то было и похищение. (Дико озирается, в бешенстве топает ногой.) Ну, Клаудия! Ну, жена! Вот дожили до радости! О милостивый принц! О, какая исключительная честь!

Орсина. Что, подействовало, старик? Подействовало?

Одоардо. Я стою здесь перед разбойничьим логовом. (Шарит по карманам своего камзола и убеждается, что безоружен.) Удивительно, что я второпях не позабыл еще своих рук! (Ощупывает все карманы, словно ищет что-то.) Ничего! Решительно ничего! Нигде.

Орсина. Ах, я понимаю! Этим я могу вам помочь! Я принесла с собой. (Вынимает кинжал.) Возьмите! Возьмите скорей, пока никто нас не видит. У меня есть еще кое-что... Яд... Но яд - это только для нас, для женщин, это не для мужчин. Возьмите же его! (Передает ему кинжал.) Возьмите же!

Одоардо. Благодарю, благодарю... О, милое дитя, кто скажет, что ты безумная, тот будет иметь дело со мной.

Орсина. Спрячьте его, спрячьте скорее. У меня не будет случая

воспользоваться им. От вас этот случай не уйдет. И вы этот случай - первый, самый лучший случай - вы не упустите его, если вы мужчина. Я - я только женщина, но я пришла сюда вооруженная, с твердым решением. Мы-то, мы можем во всем довериться друг другу, старик. Ведь мы оба оскорблены. Оскорблены тем же самым соблазнителем... Ах, если б вы знали... если бы вы знали, как беспредельно, как невыразимо, как невыносимо я им была оскорблена и еще буду оскорблена... Вы забыли бы свою обиду. Знаете ли вы меня? Я - Орсина. Обманутая, брошенная Орсина. Может быть, брошенная только из-за вашей дочери. Но при чем тут ваша дочь? Скоро он бросит и ее... Потом еще другую! А там опять другую! Ах! (Как бы в восторге.) Какая небесная фантазия! Если бы когда-нибудь все мы, целая толпа брошенных им, если бы все мы превратились в вакханок, в фурий, и он оказался бы среди нас, и мы бы растерзали его тело, разорвали бы его на части, рылись бы во внутренностях, чтобы найти сердце, то сердце, которое изменник обещал каждой из нас и ни одной не отдал. Ах! Вот это был бы праздник! Это был бы праздник!

Явление восьмое

Те же и Клаудия Галотти.

Клаудия (входя, осматривается и, увидев мужа, бросается к нему). Я угадала! Ах, наш защитник, наш спаситель! Так ты здесь, Одоардо? Ты здесь?.. По их шопоту, по их лицам я это поняла. Что мне тебе сказать, если ты еще ничего не знаешь?.. Что мне тебе сказать, если ты все знаешь? Но мы неповинны. Я неповинна. Дочь твоя неповинна. Неповинна, ни в чем не повинна.

Одоардо (при виде жены пытается овладеть собой). Хорошо, хорошо. Только успокойся, только успокойся и отвечай мне. (Обращаясь к графине.) Не подумайте, сударыня, чтобы я сомневался. Граф умер?

Клаудия. Умер.

Одоардо. Правда, что принц сегодня утром говорил с Эмилией во время мессы?

Клаудия. Правда. Но если бы ты знал, в какой ужас это ее повергло, в каком смятении вернулась она домой...

Орсина. Ну, что, солгала я вам?

Одоардо (с горьким смехом). Я и не желал этого. Вовсе не желал!

Орсина. Ну, как, сумасшедшая ли я?

Одоардо (в ярости ходит взад и вперед). О, и я еще тоже не сошел с ума!

Клаудия. Ты велел мне быть спокойной, и я спокойна. Милый мой муж, смею ли я... Смею ли я тебя просить...



Одоардо. Чего ты хочешь? Разве я не спокоен? Разве можно быть спокойнее, чем я? (Пересиливая себя.) Знает ли Эмилия о смерти Аппиани?

Клаудия. Знать этого она не может. Но я боюсь, что она подозревает, ведь его нет...

Одоардо. Что ж она? Плачет, сокрушается?

Клаудия. Нет, это уже прошло. Ты ведь знаешь ее характер. Она самая боязливая и вместе самая решительная из девушек. Она никогда не может совладать со своими первыми впечатлениями, но после минутного раздумья к ней возвращаются находчивость и самообладание. Она держит принца на расстоянии. Она говорит с ним таким тоном... Одоардо, устрой только так, чтобы нам уехать отсюда.

Одоардо. Я приехал верхом... Что же делать?.. Впрочем, сударыня, вы ведь возвращаетесь в город?

Орсина. Конечно.

Одоардо. Не будете ли вы так добры взять мою жену с собой?

Орсина. Почему же нет? Я очень рада.

Одоардо. Клаудия! (Знакома ее с графиней.) Графиня Орсина. Дама большого ума. Мой друг, моя благодетельница. Ты должна поехать с ней, чтобы сейчас же прислать карету за нами. Эмилии незачем больше ехать в Гвасталлу. Она поедет со мной.

Клаудия. Но... если только... Я не хотела бы разлучаться с дочерью.

Одоардо. Разве отец не будет около нее!? Его ведь, наконец, допустят к ней. Не возражай!.. Пойдемте, сударыни. (Тихо графине.) Вы обо мне услышите... Пойдем, Клаудия. (Уводит ее.)

#### ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Там же.

Явление первое

Маринелли и Принц.

Маринелли. Вот, ваша светлость, из этого окна вы можете его видеть. Он расхаживает взад и вперед по галерее. Он как раз поворачивает, идет сюда... Нет, опять повернул обратно... Он еще не пришел к окончательному решению. Но стал гораздо спокойней, или, может быть, только кажется, что так. Для нас это безразлично... конечно! Разве он посмеет высказать то, что ему вбили в голову обе женщины? Баттиста слышал, что жена должна сейчас выслать за ним карету. Ведь он приехал верхом. Увидите, когда он явится к вам, он будет всеподданнейше благодарить вашу светлость за милостивую защиту, которую здесь обрело его семейство при этом столь печальном случае. Он будет просить о дальнейших милостях к нему и к его дочери, спокойно доставит ее в город и будет с величайшей покорностью

ждать, какое дальнейшее участие сообразовит ваша светлость принять в его несчастной и прелестной дочери.

Принц. А если он не так смирен? И вряд ли, вряд ли он будет таким. Я знаю его слишком хорошо. Что, если он, - это самое большее, чего я жду, заглушит свои подозрения, подавит свое бешенство, но вместо того, чтобы отвезти Эмилию в город, возьмет ее с собой? Задержит у себя? Или даже запрячет в монастырь где-нибудь за пределами моих владений? Что тогда?

Маринелли. Опасливая любовь дальновидна. Право же! Но он ведь не станет...

Принц. А если станет?.. Как тогда? Какая нам тогда польза, что несчастный граф из-за этого лишился жизни?

Маринелли. К чему эта печальная оглядка по сторонам? Вперед! Так думает победитель. Пусть падают около него враги или друзья... А хотя бы и так! А если б этот старый завистник и хотел сделать то, чего вы опасаетесь? (Размышляя.) Пускай! Нашел... Дальше одного желанья он безусловно не сможет пойти. Безусловно не пойдет!.. Но не надо терять его из виду... (Снова подходит к окну.) Еще минута - и он застал бы нас врасплох! Идет сюда... Уклонимся еще от встречи с ним. Выслушайте сперва, принц, что нам надо делать в том случае, которого приходится опасаться.

Принц (угрожающим тоном). Только, Маринелли...

Маринелли. Самая безобидная вещь на свете.

Явление второе

Одоардо. Никого еще нет?.. Хорошо. Я буду еще спокойней. Это мне посчастливилось. Нет ничего презреннее, чем буйная юношеская голова с седыми волосами! Я так часто это себе говорил и все же дал себя увлечь... и кому? Ревнивице, женщине, помешавшейся от ревности. Что может быть общего между оскорбленной добродетелью и мщением порока? Только ее одну должен я спасти!.. А ты, о мой сын, мой сын!.. Я никогда не умел плакать и не хочу теперь этому учиться. Отметить за тебя возьмется кто-нибудь другой, это станет его кровным делом. Довольно с меня, если твой убийца не насладится плодами своего преступления. Пусть это терзает его еще больше, чем само преступление. Если вскоре пресыщенность и отвращение заставят его бросаться от одного желанья к другому, пусть память о том, что вот эта страсть осталась неудовлетворенной, отравит ему наслаждение всеми другими! Пусть в каждом его сновидении окровавленный жених приводит невесту к его ложу и, если он все-таки протянет за ней сластолюбивую руку, пусть услышит вдруг насмешливый хохот преисподней - и проснется!

Явление третье

Маринелли и Одоардо Галотти.

Маринелли. Где вы задержались, сударь? Где вы были?

Одоардо. Дочь моя была здесь?

Маринелли. Не она, а принц.

Одоардо. Пусть он меня извинит. Я провожал графиню.

Маринелли. И что же?

Одоардо. Она - добрая женщина.

Маринелли. А где ваша супруга?

Одоардо. Поехала вместе с графиней, чтобы сейчас же прислать карету за нами. Пусть только принц извинит меня, что мы с дочерью так долго остаемся здесь.

Маринелли. К чему эти церемонии? Разве принцу не доставило бы удовольствия самому отвезти в город мать и дочь!

Одоардо. Дочь по крайней мере должна была бы отказаться от этой чести.

Маринелли. Как так?

Одоардо. Она больше не вернется в Гвасталлу,

Маринелли. Не вернется? Почему же?

Одоардо. Граф скончался.

Маринелли. Так тем более...

Одоардо. Она должна ехать со мной, Маринелли. С вами?

Одоардо. Со мной. Ведь я вам говорю, что граф умер... Если вы этого еще не знаете... Что же ей теперь делать в Гвасталле? Она должна жить со мной.

Маринелли. Во всяком случае будущее местопребывание дочери будет зависеть исключительно от воли ее отца. Только для начала...

Одоардо. Что для начала?

Маринелли. Вы все-таки должны будете позволить, господин полковник, чтобы ее отвезли в Гвасталлу.

Одоардо. Мою дочь? Отвезти в Гвасталлу? А зачем?

Маринелли. Зачем? Сообразите только...

Одоардо (вспылив). Соображать! Соображать! Я соображаю, что тут нечего соображать. Она должна поехать и поедет со мной.

Маринелли. Ах, сударь, зачем нам из-за этого горячиться? Возможно, что я ошибаюсь; может быть, то, что я считаю нужным, вовсе и не нужно... Принц сможет лучше всех это разобратить. Пусть принц решит. Иду за ним.

Явление четвертое

Одоардо. Как?.. Нет, никогда!.. Предписывать мне, куда ее везти?.. Не

отпускать ее ко мне? Кто хочет этого? Кто смеет? Не тот ли, кто может здесь делать все, что хочет? Хорошо, хорошо! Так пусть он увидит, на 'что осмелюсь я, хотя бы и не имел на это права! Близорукий тиран! Мы с тобой еще поспорим! Кто не уважает закона так же могуществен, как тот, у кого нет закона. Ты этого не знаешь? Приди только, приди! Однако что это? Уже опять?.. Уже опять ярость моя одолевает рассудок... Чего я хочу? Пусть прежде на самом деле произойдет то, из-за чего я бешусь... Чего не наболтают эти придворные! Если бы я дал ему наболтаться! Если бы я только узнал от него, под каким предлогом они хотят снова отвезти ее в Гвасталлу! Тогда бы я мог подготовиться к ответу... Впрочем, за ответом дело у меня не станет... Но если у меня не найдется ответа, если... Сюда идут. Успокойся, седой юнец, успокойся.

Явление пятое

Принц, Маринелли и Одоардо Галотти.

Принц. А, мой добрый, мой честный Галотти, должно быть, случилось что-нибудь очень важное, если я вижу вас у себя. По незначительному поводу вы бы не пришли. Но я не упрекаю вас!

Одоардо. Ваша светлость, я считаю при всех обстоятельствах неприличным навязываться своему государю. Кого он знает, того он сам призовет, если тот понадобится ему. Даже и теперь я прошу прощения...

Принц. Многим из людей я пожелал бы обладать этой гордой скромностью! Но к делу. Вы сгораете от желания увидеть вашу дочь. Она теперь в новом беспокойстве из-за неожиданного отъезда столь нежной матери. Зачем ей было уезжать? Я только ждал, чтобы прелестная Эмилия вполне оправилась, и с почетом отвез бы обеих в город. Вы лишили меня половины этого торжества, но я не дам вам полностью лишить меня его.

Одоардо. Слишком много милости! Позвольте мне, принц, избавить мое несчастное дитя от многообразных обид, которые готовят ей в Гвасталле друзья и враги, сострадание и злорадство.

Принц. Было бы жестоко лишить ее сладостных утешений дружбы и сострадания. А что до обид, которые ей нанесли бы вражда и злорадство, то позвольте мне, любезный Галотти, позаботиться, чтобы они не могли коснуться ее.

Одоардо. Принц, отцовская любовь неохотно делится своими заботами. Мне думается, я знаю, что именно следует сделать моей дочери при ее теперешних обстоятельствах... Удалиться от света... в монастырь... и как можно скорее.

Принц. В монастырь?

Одоардо. А пока пусть плачет на глазах у своего отца.

Принц. И такая краса должна увядать в монастыре? Неужели одна обманутая надежда должна внушить нам столь непримиримую вражду к свету? Но как бы то ни было, никто не смеет прекословить отцу. Везите вашу дочь, Галотти, куда хотите.

Одоардо (Маринелли). Ну, что же, сударь мой!

Маринелли. Раз вы меня вызываете!..

Одоардо. Никак нет, ничуть.

Принц. Что там у вас такое?

Одоардо. Ничего, ваша светлость, ничего. Мы только обсуждаем, кто из нас ошибся насчет вас.

Принц. Как так? Говорите, Маринелли!

Маринелли. Мне жаль, что я должен воспрепятствовать милости моего государя, но долг дружбы велит мне прежде всего видеть в нем судью.

Принц. Какой дружбы?

Маринелли. Вы знаете, ваша светлость, как сильно я любил графа Аппиани, как сплетались наши души...

Одоардо. Вы это знаете, принц? Тогда вы, конечно, единственный человек, который это знает.

Маринелли. Назначенный им самим отомстить за него...

Одоардо. Вы?

Маринелли. Спросите у вашей супруги. Маринелли, имя "Маринелли" было последним словом умирающего графа. И каким тоном, с каким выражением он его произнес! Пусть этот страшный голос будет вечно звучать в моих ушах, если я не приложу всех сил, чтобы найти и покарать его убийц!

Принц. Рассчитывайте на полное мое содействие.

Одоардо. И на мои самые горячие пожелания успеха!.. Ну, что же? Что же дальше?

Принц. Это и я вас спрашиваю, Маринелли.

Маринелли. Подозревают, что на графа напали не разбойники.

Одоардо (насмешливо). Не разбойники? В самом деле?

Маринелли. Что соперник хотел устранить его с дороги.

Одоардо (с горечью). А? Соперник?

Маринелли. Не иначе.

Одоардо. В таком случае... да осудит бог предателя-убийцу!

Маринелли. Соперник, к тому же пользующийся благосклонностью...

Одоардо. Как? Пользующийся благосклонностью? Что вы говорите?

Маринелли. Только то, что распространяет молва.

Одоардо. Пользующийся благосклонностью? Благосклонностью моей

дочери?

Маринелли. Это, конечно, неверно. Это невозможно. Я буду опровергать это, даже если бы вы сами утверждали... Но при всем том, ваша светлость... ведь и самое обоснованное убеждение ничего не значит на весах правосудия... при всем том нельзя будет обойтись без допроса несчастной красавицы.

Принц. Да, во всяком случае,

Маринелли. А где, где это может быть сделано, как не в Гвасталле?

Принц. В этом вы правы, Маринелли, в этом вы правы... Да, это меняет дело, любезный Галотти. Не правда ли? Вы сами видите...

Одоардо. О да, вижу... Я вижу то, что вижу... Боже, боже!

Принц. Что с вами? Что вас смущает?

Одоардо. Я не предвидел того, что вижу. Это огорчает меня. Вот и все, и ничего больше... Ну да, она должна вернуться в Гвасталлу, Я отвезу ее к матери. И пока строжайшее расследование не признает ее невинной, я и сам не уеду из Гвасталлы. Ведь кто знает (с горькой усмешкой), кто знает, не сочтет ли правосудие нужным допросить и меня.

Маринелли. Весьма возможно! В таких случаях правосудию лучше сделать слишком много, чем слишком мало... Поэтому я опасаюсь даже...

Принц. Чего... чего вы опасаетесь?

Маринелли. Что покамест нельзя будет допустить, чтобы мать и дочь могли говорить друг с другом.

Одоардо. Им не дадут говорить друг с другом?

Маринелли. И будут вынуждены разлучить мать с дочерью.

Одоардо. Разлучить мать с дочерью?

Маринелли. Мать, и дочь, и отца. - Судебные правила даже прямо требуют принятия этой предосторожности. Мне очень жаль, ваша светлость, что я вижу себя вынужденным убедительно просить, чтобы Эмилия по крайней мере находилась под особой охраной.

Одоардо. Под особой охраной? Принц! Впрочем, конечно, конечно. Совершенно правильно: особая охрана! Не правда ли, принц, не правда ли? О, какое изысканное правосудие! Превосходно! (Быстро опускает руку в карман, где у него кинжал.)

Принц (подходит к нему с любезным видом). Успокойтесь, дорогой Галотти.

Одоардо (в сторону, вынимая из кармана пустую руку). Это сказал его ангел-хранитель.

Принц. Вы ошибаетесь. Вы его не поняли. Под словом "охрана" вы понимаете, конечно, тюремное заключение?

Одоардо. Позвольте мне так понимать это, и я успокоюсь.

Принц. Ни слова, Маринелли, о тюрьме. В этом случае легко совместить строгость законов с уважением к безупречной добродетели. Если Эмилия должна находиться под особой охраной, то я уже знаю ту, которая более всего подобает ей. Это - дом моего канцлера. Никаких возражений, Маринелли! Я сам доставлю ее туда. Там я передам ее на попечение одной из достойнейших наших дам. Эта дама должна будет мне ручаться и отвечать за нее. Вы заходите слишком далеко, Маринелли, поистине слишком далеко, если вы требуете большего... Ведь вы знаете, Галотти, моего канцлера Примальди и его супругу?

Одоардо. Как же не знать? Знаю даже и милых дочерей этой благородной четы. Кто их не знает! (Маринелли.) Нет, сударь, не уступайте в этом. Если Эмилия должна быть под стражей, то нужно ее заключить в самую глубокую темницу. Настаивайте на этом, прошу вас. Я безумец с моей просьбой! Я старый дурак. Да, она права, эта добрая Сибила: кто при некоторых обстоятельствах не лишается рассудка, тому и нечего было лишаться!

Принц. Я вас не понимаю... Любезный Галотти, что я могу сделать сверх этого? Оставьте так, прошу вас. Да, да, в доме моего канцлера! Там она будет жить. Я сам доставлю ее туда. И если ее там не встретят с величайшим почтением, то, значит, слово мое не имеет никакой силы. Только не беспокойтесь! Так решено. Так и сделаем! Сами вы, Галотти, можете располагать собой, как вам угодно. Вы можете последовать за нами в Гвасталлу, вы можете вернуться в Сабьонетту - словом, как хотите. Смешно было бы вам указывать... А теперь до свидания, любезный Галотти! Пойдемте, Маринелли, уже поздно.

Одоардо (стоит в глубокой задумчивости). Как? Значит, мне нельзя даже поговорить с моей дочерью? Даже здесь? Я ведь все терпеливо принимаю, я ведь нахожу все превосходным. Дом канцлера, разумеется, прибежище добродетели. О, ваша светлость, отвезите мою дочь туда, только туда. Но до этого я хотел бы поговорить с ней. Она еще не знает о смерти графа. Она не может понять, почему ее разлучают с родителями. Чтобы должным образом приготовить ее к вести об этой смерти, чтобы успокоить ее по поводу этой разлуки, я должен поговорить с ней, ваша светлость, я должен поговорить с ней.

Принц. Так пойдемте же...

Одоардо. О, дочь, конечно, сама может прийти к отцу... Здесь с глазу на глаз мы быстро покончим. Только пришлите ее ко мне, ваша светлость.

Принц. И то! О Галотти, если бы вы захотели стать моим другом,

руководителем, отцом!

Принц и Маринелли уходят.

Явление шестое

Одоардо Галотти (смотрит ему вслед; после паузы). Почему бы и нет? Буду сердечно рад... Ха-ха-ха! (Дико озирается.) Кто это так хохочет? Клянусь богом, это, кажется, я сам... Что ж, пускай! Как весело! Представление идет к концу! Так или иначе. Однако ж... (Пауза.) Если она с ним сговорилась? Если это обыкновеннейший фарс? Если она не заслуживает того, что я хочу для нее сделать? (Пауза.) Для нее сделать? Что же я хочу для нее сделать? Хватит ли у меня мужества сказать это самому себе? Я задумал такое дело, страшнее которого нельзя задумать... Ужасно! Прочь! Прочь! Не буду ее дожидаться. Нет! (К небу.) Кто толкнул ее, невинную, в эту пропасть, тот пусть извлечет ее оттуда. На что ему нужна моя рука? Прочь! (Хочет уйти, но видит входящую Эмилию.) Слишком поздно. Ему нужна моя рука. Ему нужна она.

Явление седьмое

Эмилия и Одоардо.

Эмилия. Как? Вы здесь, отец? И вы один? А матушка? Ее здесь нет? А граф? Его здесь нет? И вы, отец, так взволнованы.

Одоардо. А ты так спокойна, дочь моя?

Эмилия. Почему мне не быть спокойной, отец? Или ничего не потеряно, или все! Можем ли мы быть спокойны или должны быть спокойны, - разве это не все равно?

Одоардо. Как тебе кажется, однако, - можем или должны?

Эмилия. Я думаю, что все потеряно и что мы должны быть спокойны.

Одоардо. И ты спокойна, потому что должна быть спокойна? Кто ты? Девушка? Дочь моя? Значит, мужчина и отец должен краснеть перед тобой. Но дай узнать: что ты разумеешь, когда говоришь "все потеряно"? Что граф убит?

Эмилия. А за что он убит? За что? Ах, значит, это правда, отец? Стало быть, правда - вся эта страшная повесть, которую я прочитала в глазах моей матери, влажных от слез? Где она? Куда она исчезла, отец мой?

Одоардо. опередила нас... если мы только последуем за ней.

Эмилия. Чем скорее, тем лучше! Ведь если граф убит, если он убит из-за этого... из-за этого! Почему мы еще медлим здесь? Бежим скорее, отец!

Одоардо. Бежим? К чему это? Ты сейчас находишься и останешься в руках твоего похитителя.

Эмилия. Останусь в его руках?

Одоардо. И одна. Без матери, без меня.



Эмилия. Я - одна в его руках? Отец мой, никогда! Или вы мне не отец... Я - одна в его руках? Хороню, только оставьте меня, только оставьте меня... Я посмотрю, кто может меня удержать, кто может меня принудить, кто этот человек, который может принуждать другого человека.

Одоардо. Мне кажется, ты спокойна, дитя мое.

Эмилия. Да, спокойна. Но что вы называете быть спокойной? Сложить руки? Страдать незаслуженно? Сносить то, чего не должно?

Одоардо. Ах, если ты так думаешь! Дай обнять тебя, дочь моя! Я всегда говорил: женщину природа хотела сделать венцом творенья. Но она ошиблась при выборе глины: она взяла слишком нежную. В остальном же все лучше у вас, чем у нас. Ах, если это - твое спокойствие, то и я обретаю в нем вновь свой покой. Дай обнять тебя, дочь моя! Подумай только: под предлогом судебного следствия - о, адский обман! - он отрывает тебя от нас и отвозит к Гримальди.

Эмилия. Отрывает меня? Меня отвозит? Хочет меня оторвать? Хочет меня увезти? Хочет? Это он хочет? Словно у нас нет своей воли, отец?

Одоардо. Я пришел в такую ярость, что схватился уже за этот кинжал (вынимает кинжал), чтобы пронзить сердце одному из них... нет, обоим.

Эмилия. Ради самого неба, не надо, отец! Эта жизнь - единственное, что дано порочным людям. Мне, отец, мне дайте этот кинжал.

Одоардо. Дитя, это не шпилька для волос.

Эмилия. Так пусть же шпилька станет кинжалом! Все равно.

Одоардо. Как? Неужели дошло до этого? Нет же, нет! Опомнись. Ведь и у тебя всего одна жизнь.

Эмилия. И всего одна невинность.

Одоардо. И она превыше всякого насилия.

Эмилия. Но не сильнее всякого соблазна... Насилие, насилие! Кто не даст отпора насилию? То, что называют насилием, это - ничто. Соблазн - вот настоящее насилие... В моих жилах кровь, отец, молодая, горячая кровь. И чувства мои - человеческие чувства. Я ни за что не отвечаю. Я неспособна бороться. Я знаю дом Гримальди. Это дом веселья. Один только час, проведенный там на глазах у моей матери... и в душе моей поднялось такое смятение, что вся строгость религии едва могла унять его в течение нескольких недель. Религии! И какой религии! Чтобы избежать этой беды, тысячи людей бросались в пучину. Теперь они причислены к лику святых! Дайте, отец, дайте мне этот кинжал!

Одоардо. Если бы ты знала, что это за кинжал!

Эмилия. Ну, а если я его не знаю. Неизвестный друг - все же друг. Дайте мне его, отец, дайте!

Одоардо. А если я тебе дам его... Вот он! (Отдаст ей кинжал.)

Эмилия. И вот! (Хочет заколоться, но отец вырывает у нее кинжал.)

Одоардо. Смотри, как быстро!.. Нет, это не для твоей руки.

Эмилия. Правда. Я должна шпилькой... (Ищет шпильку в волосах и натывается рукой на розу.) Ты еще здесь? Прочь! Тебе не место в волосах какой-нибудь... той, кем должна я стать по воле моего отца!

Одоардо. О дочь моя!..

Эмилия. О отец, если я угадала вашу мысль... Но нет! Вы этого не хотите. Иначе зачем же вам медлить? (С горечью говорит, обрывая лепестки розы.) Был некогда отец, который, для того чтобы спасти дочь от позора, вонзил сталь в ее сердце и во второй раз дал ей жизнь. Но все эти подвиги в далеком прошлом. Таких отцов больше уж нет!

Одоардо. Нет, есть еще, дочь моя, есть еще! (Закалывает ее.) Боже, что я сделал! (Эмилия падает, он заключает ее в свои объятия.)

Эмилия. Сорвали розу, прежде чем буря унесла ее лепестки... Дайте мне, отец, поцеловать вашу руку.

Явление восьмое

Те же, Принц и Маринелли.

Принц (входя). Что это? Эмилии дурно?

Одоардо. Ей очень хорошо! Очень хорошо!

Принц (подходя ближе). Что я вижу? О ужас!

Маринелли. Горе мне!

Принц. Бесчеловечный отец, что вы сделали?

Одоардо. "Сорвал розу, прежде чем буря унесла ее лепестки". Не так ли, дочь моя?

Эмилия. Не вы, отец... Я сама, я сама...

Одоардо. Не ты, дочь моя... Не ты! Не уходи из этого мира со словами лжи. Не ты, дочь моя! Это - твой отец, твой несчастный отец!

Эмилия. Ах, отец мой... (Умирает.)

Одоардо (бережно опускает ее на пол). Переселись в мир иной! Ну что же, принц? Нравится она вам еще? Возбуждает она еще вашу страсть и теперь, вся в этой крови, вопиющей об отмщении? (После паузы.) Но вы ожидаете, чем все это кончится? Вы, может быть, ждете, что я обращу эту сталь против самого себя, чтобы завершить мое деяние финалом из пошлой трагедии? Вы ошибаетесь. Вот! (Бросает кинжал к ногам принца.) Вот он лежит, кровавый свидетель моего преступления! Я пойду и сам отдамся в руки тюремщиков. Я иду и ожидаю вас как моего судью... А потом там... буду ждать вас пред лицом судьи, который будет судить всех нас!

Принц (после молчания, во время которого он с ужасом и отчаянием

смотрит на труп, обращаясь к Маринелли). Ну, подними ее. Что же? Ты не решаешься? Несчастный! (Вырывает у него кинжал.) Нет, твоя кровь не должна смешаться с этой кровью!.. Ступай, скройся навеки!.. Ступай, говорю я!.. Боже, боже!.. Неужели мало и того, что государи, к всеобщему несчастью, такие же люди, как все? Неужели еще и дьяволы должны прикидываться их друзьями?

#### ПРИМЕЧАНИЯ

Трагедия "Эмилия Галотти" опубликована в 1772 г. в собрании трагедий Лессинга; поставлена на сцене впервые в Брауншвейге 13 марта того же года.

Лессинг работал над трагедией пятнадцать лет: первый замысел ее относится к 1757 г. Первоначально Лессинг собирался написать трагедию "Виргиния" - на сюжет о римской Виргинии (см. вступительную статью). Сохранился набросок первой сцены этой трагедии. Однако вскоре Лессинг отказался от обработки далекого от его-времени античного сюжета, решив перенести действие из древнего Рима в современную ему эпоху.

На русский язык трагедия была переведена впервые Н. М. Карамзиным в 1788 г.

"Был некогда отец, который, для того чтобы спасти дочь от позора, вонзил сталь в ее сердце..." - Речь идет о Виргинии и об ее отце.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)